

INSPIRIA

КЭТИ
ЭВАНС

СОДЕРЖИТ ОТКРОВЕННЫЕ СЦЕНЫ
18+

ТЫ БУДЕШЬ МОИМ

Р А У Н Д II



INSPIRIA

Passion. Красный грех

Кэти Эванс

Раунд 2. Ты будешь моим

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Эванс К.

Раунд 2. Ты будешь моим / К. Эванс — «ЭКСМО»,
2013 — (Passion. Красный грех)

ISBN 978-5-04-156931-0

Вторая книга горячего цикла о красавце-борце и юной девушке, которая не в силах сопротивляться чувствам, — оно и прекрасно! Эта история любви пришлась по душе многим читателям, которые с нетерпением ждали выхода новых частей. Не зря роман Кэти Эванс стал бестселлером New York Times и USA TODAY. Брук и подумать не могла, что встретит мужчину, о которой мечтает каждая женщина. Сексуальный Реми навсегда украл ее сердце. Но все хорошее рано или поздно заканчивается. И теперь, когда влюбленные больше всего нуждаются друг в друге, судьба решает проверить их чувства на прочность. Новые испытания, любимые герои, безжалостная борьба за любовь мужчины, которого Брук называет своим. Это не битва насмерть. Это борьба за любовь. Кэти Эванс умеет крепко держать в объятиях своих читателей. - SubClub Books Эта история разбила мне сердце. - Totally Booked

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-156931-0

© Эванс К., 2013

© ЭКСМО, 2013

Содержание

Глава 1. С возвращением, Рип!	6
Глава 2. Счастье – это он	12
Глава 3. Летим в Аризону	18
Глава 4. Феникс возрождающийся	29
Глава 5. Подарок	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Кэти Эванс

Раунд 2. Ты будешь моим

Katy Evans

MINE

Copyright © 2013 by Katy Evans

© Любимова Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Сердце – лишь полая мышца, которая совершает миллиарды сокращений за человеческую жизнь. Оно размером с кулак, у него четыре отдела: два предсердия и два желудочка. Как эта мышца может вместить такое всеобъемлющее чувство, как любовь, – выше моего понимания. Неужели мы действительно любим сердцем? А может, мы любим всей своей необъятной, бессмертной душой? Я не знаю. Единственное, что я знаю наверняка, это то, что любовь живет во мне, в каждой клеточке моего тела, в каждом вдохе, во всей необъятности моей души. За свою короткую жизнь я узнала, что человек не может бежать, если у него порвана связка, но даже если твое сердце разлетелось на миллионы кусочков, ты все еще продолжаешь любить – любить всем своим существом.

Меня сломали и снова собрали воедино. Меня любили, и я любила.

Я влюблена, и эта любовь, этот мужчина навсегда изменили меня. Раньше я мечтала о медалях и соревнованиях, а теперь – только о голубоглазом бойце, который однажды и навсегда изменил мою жизнь одним поцелуем...

Глава 1. С возвращением, Рип!

БРУК

Прошло два месяца – точнее, шестьдесят два дня – с того момента, как я вернулась к нему. Тысяча четыреста восемьдесят восемь часов страсти, желания и нежности. И еще больше времени прошло с того рокового вечера, когда тысячи мужчин и женщин – фанатов Реми – стали свидетелями его падения.

И вот он вернулся.

Сегодня должен был состояться первый бой в новом сезоне чемпионата неофициальной лиги Underground.

Все это время он тренировался как безумный, основательно набрал мышечную массу, и его тело выглядело теперь еще более рельефным. Я была уверена, что в этом сезоне он добьется всего, чего заслуживает.

В зале в Вашингтоне, где должен был состояться бой, собралось не менее тысячи зрителей, и когда объявили победителя текущего матча, толпа заметно заволновалась.

Мы – члены его команды – знали, что сейчас на ринг пригласят Реми. Его помощник Пит, сидящий по правую руку от меня, напрягся, явно нервничая.

Я пребывала в не меньшем волнении.

Воздух в зале был наполнен радостным возбуждением, запахом духов, пива и пота. Бойцы, поединок которых только что закончился, уже покидали ринг, причем одного из них поддерживали его помощники, и я с бешено колотящимся сердцем замерла на своем обычном месте в середине первого ряда, там, где мой мужчина всегда хотел видеть меня. И я сидела, замирая в предвкушении его появления, каждая клеточка моего тела пела, а сердце громко выстукивало его имя – *Ремингтон, Ремингтон, Ремингтон*.

Вот раздался треск включаемого микрофона, и я чуть не подпрыгнула от невыносимого волнения.

– Леди и джентльмены, мы все помним, как разбились наши сердца и мы погрузились в глубокую печаль, когда наш всеобщий любимец уступил победу в чемпионате в прошлом году.

При этих словах толпа возбужденно загудела, а у меня болезненно перехватило горло при воспоминании о том, как изувеченное тело Реми уносили с ринга.

– Но не стоит волноваться за него, ребята, уверяю вас.

РЕМИ!!! – раздался чей-то крик из толпы.

– Пусть поскорее выходит!

– Осталось ждать совсем недолго, – невозмутимо произнес комментатор, словно испытывая терпение толпы, которая уже была на пределе. – После всех домыслов и слухов совершенно официально объявляю – этот парень примет участие в чемпионате в нынешнем сезоне, и будьте уверены, пощады его противникам не будет! Леди и джентльмены, наконец-то вы дождались его выхода! Вы же все догадываетесь, о ком я говорю?

Толпа дружно взревела:

– РИ-И-ИП!!!

– Не слышу? Кто?

– РИ-И-ИП!!!

– Еще раз, потому что я не расслышал!

– РИ-И-ИП!!!

– Вы правы, леди и джентльмены! Он снова с нами, наш плохой парень с его фирменной улыбкой и смертельно опасными кулаками, готовыми выбить надгробную надпись для каждого, кто осмелится сражаться с ним. Ваш единственный и неповторимый, Ремингтон Тейт – РИ-И-ИП!!!

По моему телу пробежала волна дикого возбуждения, когда болельщики вскочили на ноги и принялись кричать еще сильнее.

– Боже, как же его фанаты по нему соскучились, – едва слышно выдохнул Пит.

И я – я тоже безумно хотела его видеть.

По другую от меня сторону ринга женщины в экстазе размахивали в воздухе трусиками. А еще одна подняла плакат, на котором было написано:

Я отсосу у тебя, РИП!

Когда я, наконец, увидела яркую алую вспышку – его атласную накидку, – во рту у меня пересохло и в животе запорхали тысячи бабочек.

И вот он уже совсем близко.

Реми легкой трусцой выбежал из коридора и направился к рингу. Своему рингу, где он царь и бог.

Каждая клеточка моего тела ожила, когда он проходил сквозь толпу.

Некоторые фанаты повскакали с мест и бросились к нему, пытаясь дотронуться, но он легко отстранился от них, лицо его было скрыто капюшоном алого атласного халата. Реми. Мой Реми. Мужчина, которого я люблю всем сердцем. Всей своей душой.

– *Rip, ты такой сексуальный...*

– *Реми, я хочу от тебя детей, твою мать.*

Он легким движением запрыгнул на ринг и начал медленно, не торопясь, снимать свою алую накидку с надписью РИП. Я чуть не оглохла от сотен восторженных женских криков, когда он направился в свой угол, чтобы отдать накидку Райли, помощнику тренера.

Райли с улыбкой похлопал его по спине и что-то сказал на ухо. Реми рассмеялся, закинув голову назад, и направился в центр ринга. Он раскинул руки и начал медленно поворачиваться вокруг своей оси, всем своим видом говоря: «Я знаю, что вы все хотите меня трахнуть».

Мне казалось, что я вот-вот умру.

Я никогда – никогда не привыкну к тому, как великолепно он смотрится на ринге. Мое сердце громко стучало в груди, все внутри сжималось от вожделения, мне казалось, что я сейчас лопну от возбуждения. Твердые, как камень, мускулы, поджарое, поражающее своим совершенством тело – он был так прекрасен, и в то же время от него остро веяло опасностью. И он всецело принадлежал мне.

Я пожирала глазами каждый дюйм его великолепного тренированного тела, которое вожделели все женщины в зале, оглядывая его с головы до ног. Как бы я хотела прикоснуться к его загорелой коже, прижаться губами к кельтским узорам на его руках. Я восхищалась его прекрасным торсом, сильными ногами, узкой талией и широкими плечами. Каждый мускул так четко обрисован, что можно было видеть, где заканчивается один и начинается другой, если пробежаться по ним пальцами.

Он продолжал медленно поворачиваться на ринге, красуясь перед зрителями, и я могла видеть его потрясающий пресс с восемью кубиками – только представьте себе! Это невозможно, но вот оно – это чудо перед нами... а его лицо...

Боже, я просто умирала от восторга!

Покрытый легкой щетиной четко очерченный подбородок. Сияющие голубые глаза. Сексуальная усмешка. И эти ямочки на щеках. Он улыбался, и на лице его было дерзкое, но в то же время задорное, мальчишеское выражение, обещавшее его противникам много неприятных минут в тот вечер, которые я ни за что не согласилась бы пропустить.

Наконец, он повернулся к нам лицом, и все зрители сзади меня изумленно ахнули.

В животе у меня запорхали тысячи бабочек, когда эти сверкающие голубые глаза с веселым лукавством стали всматриваться в ряды болельщиков. Его явно забавляла всеобщая одержимость Ремингтоном Тейтом!

Сидевшая рядом со мной блондинка не первой молодости, с лицом, обколотым ботоксом, вскочила на ноги и начала подпрыгивать, как безумная.

– Реми! Дай мне себя попробовать! – кричала она.

У меня возникло непреодолимое желание вцепиться ей в волосы и силой усадить на место, но в то же время я понимала, что на него невозможно смотреть, не растекаясь лужицей от вождления.

Это был идеальный самец, созданный для того, чтобы спариваться и производить потомство.

Я хотела его так сильно, что не могла дышать.

Я хотела его больше, чем все эти кричащие от восторга женщины.

Я хотела его всего без остатка – его тело, его мысли, его сердце. Его прекрасную душу.

Он говорил, что принадлежит мне, но я-то знала, что существует некая часть Ремингтона Тейта, которая останется непостижимой для всех без исключения.

Я всецело принадлежу ему, но даже я не в состоянии укротить и подчинить его.

Справиться с ним под силу только ему самому.

Вот он передо мной во всей красе – черный ящик, полный бесконечных тайн. И я хотела раствориться в нем, потеряться в неизведанных уголках его души, даже понимая, что не смогу выбраться из них такой, как прежде.

Пит толкнул меня локтем в бок и прошептал на ухо:

– Боже, это же так несправедливо. Почему все фанатеют от него, а на меня, – он указал на свое худощавое тело, – никто не обращает внимания?

Я улыбнулась. Пит неплохо выглядел со своими волнистыми волосами и карими глазами в неизменном черном костюме и галстук. Он был не просто личным помощником Реми, а скорее старшим братом и одним из ближайших друзей.

– Норе ты нравишься таким, какой ты есть, – поддразнила его я, зная о его отношениях со своей младшей сестрой.

Он улыбнулся и поиграл бровями, а затем кивком указал мне на ринг, где Ремингтон уже заканчивал свой поворот и теперь смотрел в мою сторону.

Казалось, мои нервы напряглись до предела и все тело начало покалывать, когда его сияющие голубыми искорками глаза дошли до ряда, на котором я сидела, ведь он знал, где я нахожусь. Каждая моя клеточка трепетала от нетерпения в ожидании того момента, когда он остановит взгляд на мне.

И этот момент наступил.

Меня словно ударило током, между нами текли потоки электричества. Его улыбка была подобна ослепительной вспышке, и я внезапно почувствовала, как в моей груди, там, где бьется сердце, разгорелся обжигающий факел.

Его взгляд как будто окружал меня этим согревающим теплом, и в нем в тот вечер была радость и уверенность. Всем своим видом он хотел сказать присутствующим, что я принадлежу ему и никто не смеет оспаривать его права.

А потом он указал на меня. Мое сердце чуть не остановилось.

Глаза всех присутствующих последовали за этим жестом, все в зале повернулись в мою сторону. Сердце мое чуть не выскочило из груди – его нестерпимо жаркий взгляд ясно говорил: этот бой посвящен моей женщине.

Толпа сзади меня взорвалась восхищенными криками, от чего по моим венам побежал адреналин – я опьянела, словно только что опрокинула рюмку текилы, голова закружилась от осознания того, как сильно фанаты любят его. А он любит их в ответ. И он любит меня...

Реакция болельщиков на него сводила меня с ума. Он стоял посередине ринга, на щеках его играли очаровательные ямочки. Казалось, Рип втягивает в себя всю энергию в зале, чтобы победить в этом бою.

В голове у меня была лишь одна мысль: *Боже, как же я люблю его!* Поддавшись порыву, я послала ему воздушный поцелуй.

Он сделал вид, что поймал его и бросил себе в рот.

Толпа взревела еще громче. Реми снова указал на меня, смеясь, и я засмеялась в ответ. Глаза у меня защипало, потому что я была бесконечно счастлива. Меня просто распирало от чувств. Да, я счастлива оттого, что счастлив он, и оттого, что он принадлежит мне душой и телом.

Этот сезон станет для него триумфальным. На сей раз ничто не остановит Ремингтона Тейта от того, чтобы стать безоговорочным чемпионом неофициальной Лиги. Ничто.

Он сделает все возможное, чтобы добиться этого, потому что он целеустремленный, сильный и так увлечен тем, что делает. И хотя я боюсь за него, и страшно переживаю, и волнуюсь, я сделаю все, чтобы поддержать его.

– А теперь, леди и джентльмены, пожалуйста, поприветствуйте аплодисментами нового участника чемпионата из клуба «Файтерс»! Перед вами знаменитый, наводящий ужас и смертельно опасный Грант Гонзалес – Годзи-ил-ла-а-а!

Когда объявляли его противника, Ремингтон без остановки скользил по рингу, как пантера. Из второго прохода появилась внушительная фигура в серебристой накидке. Реми согнул пальцы прижатых к бокам рук, наблюдая, как новый боец входит на ринг. В тот вечер на них не было перчаток – их руки были перемотаны специальными бинтами, а костяшки пальцев были незащищены, как в старые добрые времена, когда этот спорт только зарождался.

Новичок сбросил накидку, и зал разразился неодобрительными криками и свистом.

– Этот тип убил пару бойцов во время поединков, – тихо объяснил мне Пит. – От этого ублюдка можно ожидать чего угодно.

– Вот только не говори мне, что на подобных мероприятиях люди дерутся насмерть, – в ужасе произнесла я, чувствуя, как внутри все сжимается. Пит закатил глаза.

– Брук, не забывай, в таких боях не придерживаются строгих правил. Конечно, всякое случается.

Мысль о том, что Реми сражается с возможными убийцами, подстегнула мои обычные страхи перед боем, выведя их на совершенно новый уровень. Страхи, которые я подавляла, пока мой мужчина впитывал обожание публики. Страхи, от которых сжималось все у меня внутри.

– Пит, *смерть* – это нечто большее, чем просто «всякое».

Ремингтон поприветствовал противника, и толпа замерла. В зале на мгновение воцарилась тишина. Мне казалось, что сердце мое не бьется. Охваченная диким волнением, я пыталась оценить возможности нового бойца, как будто по его внешнему виду можно было предсказать исход боя. Он был довольно молод, и его светлая кожа странно блестела, словно смазанная каким-то маслом. Неужели разрешается натираться чем-то во время боя? Его длинные волосы были стянуты в хвост. Он был мощный и мускулистый, как бык, что, впрочем, можно было сказать про любого бойца. Никто из них не был таким поджарым и стройным, как Реми, никто не мог сравниться с ним в красоте. Я могла поспорить, что ни один из них не уделял своему телу столько внимания и не тренировался столь усердно, как Ремингтон Тейт.

Раздался звук гонга, и я, кажется, перестала дышать.

Бойцы приблизились друг к другу. Реми выжидал, когда противник сделает первый шаг. Он был готов отразить любую атаку, хотя его мощные мускулы казались расслабленными. Наконец Годзилла выбросил кулак вперед. Реми легко ушел от удара, сместившись вбок, и – это было совершенно невероятно – одним ударом отправил огромного зверя на пол с ужасающим звуком.

Я не могла поверить своим глазам. От неожиданности у меня перехватило дыхание, когда судья начал отсчет. Губы Реми изогнулись в улыбке, когда он смотрел на распростертое на полу неподвижное тело, словно призывая противника подняться.

Но тот так и остался лежать на ринге.

Толпа взорвалась неистовыми криками восторга.

Пит вскочил на ноги, выбросив кулаки в воздух в победном жесте.

– Да! Да! Он это сделал!

– Всего один удар, леди и джентльмены, – ревел в микрофон комментатор. – Один чертов удар! С возвращением, Рип! Леди и джентльмены, мальчики и девочки, перед вами снова ваш единственный и неповторимый Ри-и-ип!

Судья резким движением высоко поднял руку Ремингтона в знак победы.

Несмотря на то что все зрители зашлись в экстазе, выкрикивая его имя, его искрящиеся голубые глаза тут же нашли меня, и каждая клеточка моего тела заныла от нестерпимого желания.

Боже, это просто невыносимо.

Он – божество секса во плоти. И он меня просто безумно заводит.

– Рип, пожалуйста, позволь до тебя дотронуться! – женщина с криком бросилась к рингу, просунула руку через канаты и потянулась к нему.

Ремингтон, похоже, пожалел фанатку и, схватив ее ладонь, провел губами по костяшкам пальцев. Девушка истерически завизжала от восторга. Я рассмеялась, но в то же время сердце мое сжалось от ревности. Реми поднял глаза, посмотрел на меня и тотчас же отпустил ее руку, а потом одним изящным движением, так напоминающим мне больших хищников из семейства кошачьих, спрыгнул с ринга на пол.

В зале наступила мертвая тишина, я слышала лишь биение моего сердца.

Ремингтон... Ремингтон... Ремингтон...

Он подошел ко мне с улыбкой на лице, говорящей о том, что он прекрасно осознает свое воздействие на фанатов.

– Сдается мне, ты ревнуешь, – произнес он своим глубоким голосом, от которого по коже побежали мурашки.

– Немного, – с улыбкой призналась я.

Он не засмеялся, а просто улыбнулся в ответ, и в его глазах заплясали веселые искорки. Реми пробежался пальцами по моей шее, погладил подушечкой большого пальца нижнюю губу. Бабочки у меня в животе принялись порхать с новой силой. Он опустил глаза, остановив взгляд на моих губах. Он продолжал поглаживать нижнюю губу, а потом, поняв, что я жажду поцелуя, наклонился и прижал свои губы к моим.

От этого все мое тело вспыхнуло. У меня свело живот, когда он раскрыл мои губы и его горячий, влажный, жадный язык попробовал меня на вкус. Я с трудом сдержала стон.

– Нет повода для ревности, – резко произнес он, не отрывая взгляда от моего рта, который он только что так жарко целовал, видимо, вполне довольный результатом. Затем он быстро чмокнул меня в лоб и направился к рингу своей легкой, расслабленной, почти танцующей походкой.

За своей спиной я услышала голоса, прерывающиеся от восторга:

– Обалдеть! Хотела бы я, чтобы со мной проделывали такое с утра до ночи без прерыва...

– Ни хрена себе! Поверить не могу – он только что был здесь, рядом!

Я облизнула губы и снова почувствовала вкус своего сексуального парня, который так открыто показал всем, что я принадлежу ему, от чего мои соски затвердели и промежность набухла от мысли, что он принадлежит мне.

В то время, как его следующего противника вызывали на ринг, Реми разминал руки, сгибая и разгибая суставы, сжимая пальцы. Он ослепительно улыбнулся мне с ринга, и две очаровательные ямочки на щеках красноречиво сказали, как сильно ему нравится, что я просто растекаюсь от любви и желания. Этот парень – суший дьявол.

На ринг поднялся боец, которого я помнила еще по прошлому чемпионату – Паркер Дрейк по кличке Ужас.

Раздался звук гонга.

Схватка началась, и весь зал замер. Бойцы сошлись, обмениваясь ударами и уворачиваясь. Удары, которые наносил Реми, были точными, быстрыми как молния и такими сильными, что можно было слышать звук кулаков, соприкасающихся с кожей противника. Бум-бум-бум! Я с замирающим сердцем следила за поединком, невольно ерзая на месте, вся во власти восторга и волнения. А когда Паркер после очередного удара рухнул на пол ринга, я, не в силах сдерживать эмоции, вскочила на ноги и закричала: «Рип!» вместе с другими болельщиками. Меня переполняла уверенность, что я увижу это зрелище еще не раз, ведь в этом сезоне Ремингтон вернет себе все, что потерял из-за меня.

Глава 2. Счастье – это он

В моей жизни был один-единственный мужчина, с которым я проводила целые ночи. Я любила ощущать рядом его тело, пока мы спали. Мне нравилось, как пахли простыни – его и моим запахом, и то, как его плечи служили моей любимой подушкой, хотя были чертовски жесткими, и я не могла сама понять, почему я так люблю спать на них. Я любила эти ночи, когда его рука обвивала мою талию, любила запах и тепло его тела, особенно любила, когда он наклонял голову, чтобы уткнуться носом в мою шею, а я зарывалась лицом в его волосы.

Проблема в том, что его сторона кровати, кажется, была оборудована катапультирующим механизмом, который поднимает его ровно в десять утра, а на моей стороне такого механизма не наблюдалось.

И в то утро я чувствовала себя совершенно обессиленной, а его уже вовсе не было в комнате.

Удивительно, но даже воздух в комнате совершенно иной, когда его нет рядом. Реми буквально заряжает все вокруг себя энергией, будто само пространство медленно, мощно вибрирует, приводя меня в состояние эйфории и одновременно заставляя чувствовать себя в полной безопасности.

Да, похоже, я действительно влюблена в него по уши.

Всего полгода назад я мечтала лишь о сексе на одну ночь – просто чтобы немного развлечься после того, как многие годы посвятила своей спортивной карьере, оборвавшейся так внезапно и горько. И вместо этого... я получила ЕГО.

Непредсказуемый, приводящий в бешенство, потрясающе сексуальный мужчина, которого жаждали заполучить все... кроме меня. Но в конце концов я не только возжелала его, но и влюбилась без памяти. И вот теперь любовь всей моей жизни доставляет мне ощущения, сравнимые с самыми крутыми и захватывающими дух американскими горками, на которых я когда-либо каталась в своей жизни.

Я села на кровати, прикрыв рукой глаза от струящегося из окон солнечного света, и немного помечтала о том, чтобы почувствовать себя «окрыленной», как, похоже, каждое утро чувствует себя Реми, словно у него в венах текут Red Bull и Monster вместе взятые. Мы и эту ночь с ним почти не спали, занимались любовью, а он уже на ногах – бодр и свеж и полностью готов мчаться дальше, неважно, на тренировку или на самолет. Вот, даже его чемодан уже упакован и стоит у двери, собранный к следующему туру, а мне еще нужно окончательно проснуться и начать складывать вещи.

Щурясь от яркого света, я вылезла из кровати и направилась к небольшому шкафу, чтобы найти какую-нибудь одежду, когда заметила свое письмо на его тумбочке рядом с айфоном, который Реми редко включал, разве только для прослушивания музыки. Ужасные воспоминания нахлынули на меня при виде этого письма, и я едва смогла подавить дикое искушение схватить его, разорвать и смыть обрывки в унитаз.

Единственное, что меня остановило, это мысль, что Ремингтон жутко разозлится. Он чрезвычайно дорожил этим дурацким письмом, которое я написала ему перед своим отъездом, а вернее – позорным бегством.

Просто в том письме я сказала то, что никто и никогда не говорил ему прежде.

Я написала, что люблю его. Да, именно так: «Я люблю тебя».

Мои ноги задрожали и подогнулись... я зажмурилась и попыталась успокоиться. Я сказала себе – да, я не идеальна. Меня никто никогда этому не учил. Я никогда не мечтала о любви, о том, чтобы стать кому-то нужной... все, чего я хотела – это победа на Олимпийских играх и... самые крутые кроссовки.

Я не думала о взъерошенных черных волосах и голубых глазах. Но я пытаюсь учиться. Учиться быть женщиной, достойной такого мужчины. И я хочу доказать Реми, что заслуживаю его, и сделаю все, чтобы он смог вернуть себе то, что потерял из-за меня. Если кто-то в этом мире и заслуживает быть чемпионом – так это именно он.

– Да он просто котенок, расслабься, – услышала я его хриловатый, уверенный голос за дверью спальни.

Забавно, как реагировало мое тело на слова Ремингтона. «Мой котенок», я нервно захихикала: «котенок, киска», так он называет мою... «киску» – и мышцы внутри меня в то же мгновение сжались в сладкой истоме... «котенок»...

Улыбаясь собственным мыслям, я порылась в шкафу, а потом направилась к его чемодану. Я знала, что ему нравится, когда я надеваю его вещи. Возможно, это давало ему понять, что я его собственность, а мне безумно нравилось потворствовать его альфа-притязаниям. Когда глаза его были голубыми, он был просто собственником, но в своей «черной» ипостаси он чувствовал себя властелином мира.

Мне нравилось, когда он начинал бормотать все эти «ты моя», и восторги по поводу того, что я надеваю его вещи.

Так почему бы нам обоим не порадовать друг друга сегодня утром? Я взяла его боксерский халат и надела его, затем поспешила в ванную, почистила зубы и умылась, завязала волосы в конский хвост и направилась в гостиную.

Я услышала его смех, скорее даже тихий смешок в ответ на что-то сказанное Питом, завернула за угол, и мое тело тут же отреагировало на него, как и всегда, при виде этого невероятного мужчины.

О, мой бог!

Я никак не могу привыкнуть к тому, что он делает со мной. Я даже не могла объяснить все это невероятное сочетание дрожи, трепета и волнения внутри меня, но это и в самом деле было просто нелепо.

– Он старается вызнать всю твою подноготную, парень, и я не вижу в этом ничего смешного, – услышала я встревоженный голос Пита. – Его шпионы рыскали по всем гостиницам вокруг, чтобы узнать, где мы собираемся остановиться в будущем.

– Просто расслабься и следи за ним, Пит, – спокойно произнес Ремингтон, а я застыла на мгновение, забыв о том, что нужно дышать, и продолжала любоваться моим голубоглазым львом.

Он сидел вполборота ко мне. Черные волосы были, как всегда, взлохмачены. Татуировки в виде кельтских узоров, обвивавших его руки, чуть шевелились, когда он, поигрывая мускулами, потягивал свой электролитический напиток. Я любовалась его великолепным загорелым торсом. Спортивные штаны на завязках низко сидели на его узких бедрах, приоткрывая кончик его татуировки в виде звезды на животе. Он выглядел таким сексуальным, сильным, энергичным и таким магнетически притягательным, что руки сами тянулись его обнять.

– Брук, доброе утро! – Диана Вернер, его шеф-повар и диетолог, приветливо кивнула мне из кухни.

Двигаясь мягко, почти лениво, Ремингтон повернулся и медленно, очень медленно поднялся. Блестящие голубые глаза так же медленно скользнули по всему моему телу, с явным одобрением встречая меня в этом красном одеянии, которое доставало мне почти до лодыжек, и собственнический блеск, искрящийся в его взгляде, сказал мне, что я не ошиблась в своих предположениях, и каждая частичка моего женского естества тут же напряглась от желания.

– Привет, мисс Рип, – со смешинкой в карих глазах приветствовал меня Пит.

Я улыбнулась. Потому что я не только хочу носить одежду моего Рипа, я хочу, чтобы он попросил меня носить его имя, даже если я однажды сказала своему лучшему другу, что никогда, никогда не выйду замуж, потому что моя карьера всегда будет на первом месте. Дуреха!

– Привет, Пит и Диана, – сказала я сонным голосом, не отрывая взгляда от Ремингтона и даже не пытаясь успокоить отчаянно колотящееся сердце.

Будет ли оно когда-нибудь ровно биться, когда он рядом? Я смотрела на него этим утром, как и каждое утро в течение последних нескольких месяцев, и говорила себе, что я не сплю и он не плод моей фантазии, он реальный. Он – моя настоящая любовь.

Он спас мою сестру из грязных лап человека, имя которого мне даже неприятно произносить. Ремингтон, не колеблясь ни минуты, проиграл финальный бой прошлого сезона в обмен на ее свободу. И при этом не рассказал мне ничего. Он потерял свой титул, огромную сумму денег и даже рисковал расстаться с жизнью, чтобы спасти мою сестру Нору.

Но тогда я и не подозревала, что все это ради меня.

Все, что я знала – что он внезапно отказался от победы на прошлогоднем чемпионате. Он потерял все. Дал себя избить до полусмерти. Он падал и вставал, но не сопротивлялся и вновь давал себя избивать, но при этом как будто насмехался и плевать хотел на Скорпиона.

Я смотрела на это ужасное зрелище, и мне хотелось умереть.

Мой непобедимый боец, всегда энергичный, упорный, готовый драться до конца и всегда побеждающий любого противника, буквально отказался от борьбы. Мне казалось, он хотел наказать меня за что-то.

Бог мой, как же я была не права!

Он не наказывал меня – он спасал мою сестру ради меня, жертвуя всем.

Если бы он не вернулся в мой родной город Сиэтл с Норой, доставив ее домой в целостности и сохранности, я бы совершила самую большую ошибку в своей жизни и расплачивалась бы за нее до конца дней своих.

Я бы прожила остаток своих дней без любви, без улыбки и, что хуже всего, без Реми. Чего, собственно, и заслуживала.

Пока я боролась с тяжелейшими угрызениями совести, вызванными этими воспоминаниями, на его щеках появились ямочки, и если несколько мгновений назад я думала, что счастлива, то с той лавиной счастья, которая на меня обрушилась в эту секунду, уже ничто не могло сравниться.

– Эй, привет, – прошептала я.

– Значит, моя маленькая зажигалка неплохо себя чувствует, – произнес он с дьявольским блеском в глазах.

– Но не так хорошо, как ты.

Он расхохотался, а Пит смущенно и довольно многозначительно покашлял.

– Эй, ребята, я вроде как все еще здесь, да и Диана тоже.

Я попыталась скрыть улыбку, и хотя Ремингтон улыбаться не перестал, выражение его лица смягчилось и в глазах вместо дьявольского желания появилась смешинка. Внезапно он заставил меня смутиться. Я вела себя как девственница, ей-богу. Как будто вчера вечером это не он раздевал меня, а сегодня утром не я безо всяких колебаний надела на голое тело то, что принадлежит ему.

Все еще усмехаясь и используя свои ямочки на щеках как смертельное оружие против меня, он направился ко мне.

Вся дрожа и медленно тая, я не без усилий шагнула ему навстречу, но тут же едва сдержала вскрик, когда он протянул руку и, зацепив пальцем за пояс моего халата, притянул меня к себе, преодолевая последние сантиметры, что нас разделяли.

– Иди ко мне, – промурлыкал он голосом сытого льва.

Он наклонил голову и поцеловал меня за ушком, а потом положил горячую широкую ладонь мне на спину, поглаживая вышитые буквы «РИП» на алом шелке, словно напоминая мне о том, что это его накидка. Я едва не задохнулась, когда он ниже наклонил голову и сделал

долгий, глубокий вдох, вбирая в себя мой запах. Черт, да он опять едва не убил меня, заставляя сжиматься мышцы между ног в сладком желании.

– Ремингтон, ты меня вообще слышишь? – с досадой спросил Пит.

– Доброе утро, Брук Думас, – прорычал мне на ухо Ремингтон низким, глубоким голосом, тем самым, которым он обычно шепчет мое имя, когда мы трахаемся.

Он слегка прихватил мое ухо мягкими теплыми губами, и мои внутренности тут же сжались в ответ, а колени подогнулись – моя обычная реакция на то, что он делает со мной. Пит повторил свои слова, и я попыталась отклониться и сделать шаг назад, но Ремингтон не позволил.

Он ногой отодвинул стул и упал на него, увлекая меня за собой. Потом передвинул меня на правое бедро и потянулся, чтобы взять со стола свой спортивный напиток. А затем посмотрел на Пита и тихо, но твердо сказал:

– Удвой число наших людей, и следите за ним и его гориллами хорошенько.

Его пальцы скользили по моей спине, пока он опустошал бутылку, а Пит между тем в полном замешательстве качал головой.

– Рем... послушай, этот гребаный ублюдок отчаянно шельмовал, чтобы победить, и он прекрасно знает, что на этот раз ему не выиграть, пока ты бьешься в этом сезоне. Сейчас он шпионит за нами и постарается сделать все возможное, чтобы убрать тебя с дистанции и в этом году. Он попытается задурить тебе голову. Спровоцировать тебя на какое-нибудь очередное дерьмо!

Я почти не вникала в их разговор, но что бы они ни имели в виду, идея «спровоцировать» Ремингтона была не очень хорошей. Дело в том, что Рем невероятно вспыльчив. Он несговорчив, настойчив и упрям, но главное, у него биполярное расстройство психики, и уж точно не стоит будить его темную сторону, если, конечно, вы не готовы иметь дело с более чем двумя сотнями фунтов неконтролируемого безрассудства.

И хотя я люблю его все эти сумасбродные двести фунтов, сейчас мне кажется, что Рипу стоило бы прислушаться к предостережениям.

Вместо того чтобы ответить на взволнованную тираду своего помощника, он повернулся ко мне и запустил пальцы в мои волосы на затылке.

– Хочешь позавтракать? – спросил он меня.

Чтобы не смущать Пита еще больше, я наклонилась и, понизив голос до едва слышного шепота, спросила:

– Ты имеешь в виду, в дополнение к тому, который состоялся в постели?

Он шутливо ущипнул меня за нос и тоже наклонился к моему уху.

– Сегодня меня оторвали от тебя важные дела.

– Вообще-то сегодня утром я совсем не голодна, но чувствую себя странно, как будто у меня похмелье.

– Похмелье от чего? От меня? – спросил он и отодвинулся, в его глазах плясали лукавые огоньки.

Я смотрела на его улыбающийся рот, такой красивый, просто идеальный. И в постели он использовал его идеально. И каждое произнесенное им ночью слово было идеальным для меня. Сексуальный дьявол. Конечно, он вызывал у меня такое похмелье, которого я никогда до него не знала.

– Послушай, – решительно прервал наше воркование Пит, – я бы меньше беспокоился о том, что эта скотина собирается делать, если бы он не знал про твой криптонит. – Пит кивнул в мою сторону.

– Да он не посмеет даже близко подойти. Я сломаю его первым. – Реми сказал это с такой спокойной убежденностью, что у меня по спине и рукам пробежали мурашки и даже слегка затошнило.

Финальный бой прошлого сезона – мой самый страшный кошмар.

– И все же я допускаю, что Скорпион уже подобрал ключик к твоему слабому месту, – продолжал настаивать Пит. – Возможно, он нашел способ, как тебя достать, вывести из себя и заставить вновь сорваться.

Ремингтон бросил на Пита предостерегающий взгляд, затем снова повернулся ко мне, схватил меня за волосы и закинул мне голову назад, пристально вглядываясь в лицо, – он прекрасно знал, что я не могла выносить даже имя этого человека и тем более – слушать, как они говорят о нем.

Черный Скорпион – это мой личный Вола-де-Морт. Этот мерзавец заставил страдать мою сестру, а потом и меня. Но что хуже всего, он причинил боль Ремингтону. В той злосчастной финальной встрече прошлого сезона. Он причинил ему много боли, и все из-за меня. Как бы я хотела убить этого ублюдка.

– Он обязательно будет дразнить тебя, издеваться над тобой... – продолжал вещать Пит зловещим голосом.

Реми несколько мгновений продолжал молча наблюдать за выражением моего лица, его обнаженная грудь начала быстрее подниматься и опускаться в такт его дыханию, а загорелая сильная шея чуть сильнее напряглась, и когда он снова обратил свое внимание на Пита, его голос прозвучал более мрачно.

– Пит, он даже еще не начал свою игру, а ты уже теряешь голову, – сказал он.

– Потому что я единственный, кто может все исправить, когда ты сорвешься. – Пит пригладил рукой свой черный галстук. – Этот сезон может обернуться для нас многими неприятностями. Но мы все хотим, чтобы ты был сильным и подготовленным, парень. А теперь надо ехать в аэропорт, мы должны выйти максимум через полчаса, но предупреждаю, бои в Фениксе могут оказаться не таким спокойным этапом, как мы ожидали.

– Я буду держать себя в руках. Просто удвойте число наших шпионов, – уже совершенно серьезно сказал Ремингтон, затем одним глотком допил свой напиток и отставил пустую бутылку в сторону.

– Ладно, дай мне немного времени, сейчас я позвоню кому надо.

Я молча смотрела, как Пит направляется в кухню и на ходу набирает какой-то номер на своем мобильнике.

Теперь все внимание Ремингтона было снова направлено на меня, он опять улыбнулся, его голос стал глубже и приобрел воркующие нотки.

– Ты проспала, – пробормотал он, обхватывая мое лицо ладонями. – Измотал я тебя прошлой ночью, да?

В его голосе смешались желание и нежность. Я кивнула, чувствуя, как внутри меня снова все оттаивает.

– Да, и я слышала, что это свойственно всем богам секса, – поддразнила его я.

Он тихо засмеялся и погладил меня по губам большим пальцем.

– Именно. Так ты готова ехать?

Я прикусила его большой палец, улыбнулась и снова покивала.

– Я так скучала по тебе в постели сегодня утром, – прошептала я.

– Боже, я тоже. Это недопустимо! Я должен быть первым, кого эти прекрасные глаза видят каждое утро.

Он прижал меня к себе, зарылся лицом в волосы, меня окутала волна его запаха, и все напряжение, сковавшее меня при упоминании имени «Скорпион», и тошнота куда-то исчезли без остатка. Я уткнулась носом ему в грудь и вдыхала аромат его тела так же, как и он вдыхал мой, и мир замер вокруг, больше ничто для нас не имело значения. Ничто, кроме него, его рук, сомкнутых вокруг меня, и моих рук, обвивших его шею. Думаю, где-то в глубине души он все еще не мог поверить, что я с ним, здесь, в его объятиях, потому что он сжал меня так сильно,

что я едва могла дышать, но, кажется, мне это было и не нужно. Я была так взволнована его близостью, ощущением его сильных рук, держащих меня так крепко, хотя всего два месяца назад я по глупости отвергла его, отказалась от него, и эта мысль была для меня невыносима.

– Я так люблю тебя, – прошептала я и, когда он не ответил, открыла глаза и вздрогнула от неожиданности, встретив его яростный взгляд, направленный на меня. Он снова провел большим пальцем по моей губе, а затем еще сильнее прижал меня к своей груди, как если бы я была чем-то таким, без чего он не мог жить. А потом, опустив голову, прижался губами к моему уху и прорычал:

– Теперь ты моя, никому тебя не отдам!

Глава 3. Летим в Аризону

Частный самолет – любимая игрушка Ремингтона.

Члены команды обычно предпочитают устраиваться в отсеке в носовой части самолета, а мы с Ремингтоном располагаемся на сиденье сзади, находящемся рядом с огромным обитым деревом баром и большим телеэкраном, который, впрочем, редко используется.

В тот день мы поднялись на борт самолета в весьма приподнятом настроении. Состоялось официальное открытие сезона, и после того, как Ремингтон продемонстрировал свою силу накануне вечером, команда была полна энтузиазма, а Пит с Райли даже стукнулись кулаками со встречавшими нас пилотами, как только мы вышли из «Кадиллака».

– Приятно, что ты снова с нами, – сказала мне Диана, устраиваясь в роскошном, обитом бархатом кресле. – Я так обрадовалась, увидев вас вместе.

– Вот что я тебе скажу, – заявил подскочивший к нам тренер Лупе. Он всегда отличался суровым нравом, и, честно говоря, было непривычно видеть улыбку на его лице. – Ты мотивируешь нашего парня лучше, чем кто-либо или что-либо еще. Я не просто счастлив, что ты вернулась, – должен признаться, я каждый день молился, чтобы это произошло, а я ведь чертов атеист.

Я засмеялась, тряхнув головой, и последовала дальше по проходу, но не успела я дойти до задней части салона, как меня позвал Пит, уже успевший подняться на борт.

– Брук, ты видела наши новые костюмы от Hugo Boss? – спросил он.

Невольно нахмурившись, я повернулась, чтобы посмотреть на него, и увидела, что Райли тоже уже был в салоне. Пит расплылся в улыбке и теперь стоял в картинной позе, разглаживая черный галстук, пока я рассматривала его. Райли тоже улыбнулся и развел руки, чтобы покрасоваться. Правда, мне трудно было понять, новые это костюмы или нет.

На них обоих были их неизменные наряды «с иголки», и в этот день, как и в любой другой, они выглядели так, словно собирались пройти кастинг на роли в очередном фильме «Люди в черном».

Пит, с волнистыми темными волосами и карими глазами, был похож на заумного ботаника. Светловолосый Райли смахивал на серфера, но при этом всегда выглядел так, словно в свободное от основной работы время тайно охотится на демонов.

– Ну, что скажешь? – спросил меня он.

Я постаралась изобразить на лице полное восхищение, ответив:

– Ребята, вы выглядите такими сексуальными! – и невольно вскрикнула, когда незаметно подошедший Ремингтон ущипнул меня за задницу и, обняв за талию, провел по проходу в заднюю часть самолета.

Усадив меня в кресло, он устроился рядом. Брови его были нахмурены.

– Только попробуй еще раз сказать это насчет других парней.

– Что ты имеешь в виду?

– Повтори!

– Пит и Райли выглядят такими...

Он протянул руки и начал щекотать меня под мышками.

– А еще раз?

– Вот черт! Эти гребаные парни в черном выглядят такими о-о-о...

Он принялся щекотать меня еще сильнее.

– Ты даже не дал мне произнести слово «сексуальными»! – взвизгнула я, и он остановился. Глаза его сверкали, а на губах играла самая соблазнительная улыбка, какую я только видела. Вместе с легкой небритостью и ямочками на щеках это было просто убийственное сочетание, от которого я чуть не кончила.

– Хочешь, чтобы я повторил? – хрипловатым голосом произнес он.

– Конечно! Ведь я думаю, что Пит с Райли выглядят потрясающе се... – Он снова начал щекотать меня, да так сильно, что я засучила ногами и руками, чуть не задохнувшись, и теперь полусидела-полулежала в кресле, все теснее прижимаясь к его груди с каждым судорожным вдохом. Улыбки сползли с наших лиц – мы смотрели друг другу в глаза, и сексуальное напряжение между нами было столь велико, что, казалось, сам воздух искрился и потрескивал.

Он протянул руку, большим пальцем заправил выбившуюся прядку волос мне за ухо и произнес глухим голосом:

– Скажи так обо мне.

По коже у меня поползли мурашки, когда он провел пальцем по щеке к подбородку.

– У тебя и так непомерное самомнение, – прошептала я едва слышно, вглядываясь в его лицо. Квадратный подбородок, взъерошенные волосы, шелковистые темные брови и пронзительный взгляд голубых глаз, полных лукавства, смешанного с ревностью, – от этого зрелища мои мышцы между ногами мгновенно сжались.

– На самом деле оно несколько понизилось при виде того, как моя девушка пялится на этих двух раздолбаев. – Он откинулся на спинку сиденья, позволяя мне сесть, а потом устроился поудобнее, расставив ноги и положив длинные мускулистые руки на спинку сиденья, и наблюдал за мной, слегка нахмурившись. Выглядел он при этом крайне привлекательно.

– А что я, по-твоему, должна была сказать? – улыбаясь, продолжала поддразнивать его я. – Что они выглядят плохо в этих костюмах? Вообще-то, они мне как братья. Понимаешь? К тому же я принадлежу тебе. – Я пожала плечами и одернула юбку, чтобы прикрыть колени. – Теперь ты знаешь, что испытываю я, когда все эти женщины кричат, как они хотят тебя, – ядовито добавила я, пристегивая ремень безопасности.

Он схватил меня за подбородок и повернул к себе.

– Какая разница, что они там кричат, когда я схожу с ума по тебе?

Мое сердце пропустило удар.

– Но ведь я чувствую то же к тебе. Поэтому не стоит рычать просто оттого, что ребята смотрят на меня.

Он убрал руку – глаза его внезапно потемнели, челюсти сжались.

– Скажи спасибо, что я умею себя контролировать и не вмазываю их в стенку. Черт, откуда я знаю, что они проделывают с тобой в своих мыслях.

– Если у тебя разыгрывается фантазия при взгляде на меня, это вовсе не значит, что у других происходит то же самое.

– А я уверен, что так оно и есть. Иначе и быть не может.

Я улыбнулась, потому что знала, что он всегда мысленно занимался со мной любовью, когда не мог делать это физически. Разумеется, то же самое проделывала и я. Уверена, даже самая целомудренная монахиня не удержалась бы от подобных фантазий, если бы увидела Реми.

Придя в игривое настроение, я сунула пальцы под его майку и провела по кубикам пресса, наслаждаясь ощущением гладкой кожи. Я обожаю каждую часть его великолепного тела. Не только как специалист по спортивной реабилитации, но и как бывшая спортсменка – я восхищаюсь безграничными возможностями человеческого организма, его выносливостью и тем, как эти возможности активируются внутренними механизмами, отвечающими за спаривание и выживание. Да, я искренний фанат человеческого тела, но совершенное тело Ремингтона – это мой храм. И у меня не хватает слов, чтобы описать, что происходит с моим собственным при взаимодействии с ним.

– Все девицы в зале мысленно раздевают тебя, когда ты дерешься, – заявила я, и легкий укол ревности заставил улыбку исчезнуть с моего лица. – Я не могу чувствовать себя в безопасности, когда ты так выделяешь меня из толпы.

– Но ведь я знаю, что ты там ради меня. И ты всецело принадлежишь мне. – От этих слов все мое тело напряглось. Он выглядел таким сексуальным, особенно с этой самоуверенной улыбкой.

– Так и есть, – согласилась я, вглядываясь в его голубые глаза, в которых сверкали искорки. – И сейчас я даже не знаю, что мне хочется поцеловать больше – твои губы или эти замечательные ямочки на щеках.

Ямочки тут же исчезли, так же, как и огоньки в глазах.

– Конечно, губы. А потом все остальное.

Он принялся потирать пальцем мою нижнюю губу, от чего по моему телу разлилось приятное тепло. Служащие аэропорта уже занесли весь наш багаж в самолет и закрыли дверь. Я заметила, что все члены команды заняли свои места, и прошептала:

– Дай-ка я выключу телефон – мы уже взлетаем.

– Но ты все еще должна мне утренний поцелуй, хотя уже полдень.

Я предупредительно кивнула ему.

Он только усмехнулся, и у меня по коже поползли мурашки.

– И не только поцелуй. Но, пожалуй, начну с губ.

Боже! Ремингтон меня просто убивает. Он так обыденно, как бы между делом, буднично говорит: «Я тебя сейчас поцелую», и все системы моего тела тут же отказывают. Вот и теперь кровь моя закипела при одной только мысли об этом поцелуе. Я быстро вытащила из сумочки телефон, чтобы выключить его, и заметила сообщение от Мелани.

Мелани: Привет, моя лучшая подружка! Мы с тобой сто лет не переписывались, и я ужасно соскучилась. Когда собираешься домой?

Мел! Я использовала обе руки, чтобы побыстрее набрать текст ответного сообщения:

Брук: Я тоже по тебе так сильно скучаю, Мел! И я так счастлива! Я просто безумно счастлива, я не шучу! Понимаешь? Я просто пьяна от счастья! Ха-ха-ха

Мелани: Я хочу Реми! И тебя, Брук, тоже. Вот так!

Брук: Теперь, когда новый сезон начался, я постараюсь выбрать время, когда бы ты могла приехать повидаться с нами! Обещаю! И Нора пусть тоже придет.

Мелани: Но ты же не собираешься отказываться от своей квартиры в Сиэтле?

На какое-то мгновение я нахмурилась, прочитав этот вопрос, – когда я бросила все на свете и приняла решение следовать за моим божеством секса, куда бы он ни направился, пока он готовится к новому чемпионату, я как-то не задумывалась насчет жилья.

Брук: Моя жизнь неразрывно связана с ним, Мел, поэтому я, пожалуй, не буду возобновлять аренду, когда ее срок истечет. Мой дом рядом с Реми. А сейчас мы вот-вот взлетим, поэтому напишу тебе позже. Люблю тебя, Мелли!

Мелани: Аналогично!

Я выключила телефон и сунула его в сумочку. Когда я подняла голову, мои нижние мышцы снова сжались при виде Реми, державшего в руках свой серебристый плеер. Сердце вновь пропустило удар. Этот мужчина знал, как соблазнять меня с помощью музыки. Он водил пальцем по экрану, прокручивая плей-листы, и делал это так медленно и чувственно, что между ног у меня стало влажно.

Он поднял глаза и одарил меня убийственной улыбкой, а затем надел мне на голову наушники. Я пребывала в крайнем волнении, когда он нажал на PLAY. Заиграла музыка, и он сидел, пристально, с любопытством глядя на меня голубыми глазами, пытаясь понять мою реакцию.

А я лужицей растекалась по сиденью.

Душа моя металась, словно пойманная в капкан.

Потому что от песни, которую он выбрал, дыхание мое остановилось.

Он прижался лбом к моему лбу, наблюдая, как я слушаю, а меня так растрогала эта музыка, что руки дрожали, когда я заменила его наушники на мои «пуговики», сунув одну в свое ухо, а другую в его, чтобы мы могли слушать песню вместе.

Снова прижавшись к его лбу, я наблюдала за выражением его лица так же внимательно, как он за моим, и мы буквально растворились в этой волшебной музыке и словах. Ведь это была его особая песня.

«Айрис» в исполнении рок-группы Goo Goo Dolls.

Во мне бушевала буря эмоций. Его взгляд потемнел, он прижал ладонь к моей щеке. Мое тело сжалось от нетерпения, когда он придвинулся ко мне ближе. Его дыхание ласкало мое лицо, когда он приблизил свои губы к моим. Он нежно провел по ним, и мой рот тут же раскрылся, я зажмурила глаза. Он медленно, лениво повторял это движение, и я непроизвольно застонала от нетерпения, умоляя его целовать меня крепче, но в этот момент в наушниках я услышала слова:

И когда весь мир вокруг рухнет,
Я хочу, чтобы ты знала, кто я.

Боже, я не могла слушать эту песню спокойно, у меня сжималось все внутри. Мне надо было быть так близко к нему, как только это возможно. Все мое тело с головы до ног жаждало его, и, не сдержавшись, я запустила пальцы в его волосы. Подняв голову, я прижала губы к его губам. Реми, ради бога, целуй меня сильнее.

Он заставил меня еще подождать, а потом, слегка повернув мою голову, впился губами в мой рот, проводя языком по губам, пока я не открыла их шире и не сделала судорожный вздох, наши языки соприкоснулись, и по телу побежала волна электричества. Я не слышала, застонал ли он в ответ, но могла чувствовать, как этот стон резонансом отдался у меня в груди, и вздрогнула, когда наши языки сплелись. Движения его языка были властными и требовательными. Потому что нет никого на свете, кому бы я доверяла больше, чем ему, и никого, с кем я бы могла разрушить все барьеры, выстроенные вокруг своего раненого сердца. Поглаживая одной рукой мое тело, он нежно посасывал мою нижнюю губу, и я уже чувствовала разгорающееся желание между ног. Прерывистое дыхание. Затвердевшие соски. Томление во всем теле...

Я и не представляла даже, как сильно мне нужен был этот поцелуй, пока не почувствовала, что все мое тело отозвалось на движения его губ и языка, и с жаром ответила на его поцелуй, молча умоляя продолжить, не желая отпустить его язык из своего плена.

Я понятия не имела, наблюдает ли за нами Пит, Райли или кто-нибудь еще; «Айрис» играла у нас в ушах, а наши рты были жадными и влажными. Он просунул пальцы под мой топ, продолжая сосать, лизать, исследовать, пробовать на вкус. Это кажется невозможным, но каждый дюйм моего трепещущего тела испытывал наслаждение от того, что он делал с моим ртом.

Я застонала от желания, чуть прикусила его, и он тут же слегка потерял над собой контроль.

Он отстегнул мой ремень безопасности и потянул меня вниз, пока я не оказалась лежащей на заднем сиденье.

Музыка прекратилась, началась другая песня, но провода от наушников запутались между нами, и он с раздраженным возгласом сорвал их и откинул в сторону. Затем жадным взглядом окинул всю меня... и я уже больше не слышала ничего, кроме стука сердца, когда он снова нагнулся ко мне.

– Черт, я хочу тебя, – пробормотал он, и его губы вновь встретились с моими. Жар разлился по телу, когда он вновь овладел моим ртом. Скольжение языков... ласки рук... смешавшееся горячее дыхание...

Ощущая саднящее напряжение между ног, я начала беспокойно извиваться под его весом и крутить головой. Я чувствовала рукой твердые кубики его пресса под футболкой, и желание с новой силой вспыхнуло во мне, когда он опять просунул свои длинные, сильные пальцы под мой топ.

Он просто убивал меня. Я хотела этого поцелуя – сначала, но теперь я жаждала большего. Каждая пора, атом и клетка моего тела раскалились до состояния сверхновой звезды. Наши губы двигались так слаженно, что я почувствовала себя невероятно живой и любимой. Я люблю, я хочу, я нуждаюсь в нем. Это всего так чертовски много. Не думаю, что он когда-нибудь до конца поймет... как мне стыдно за то, что я сбежала, как мне больно, что он страдал из-за меня... как я полна решимости остаться с ним и как сильно я на самом деле его люблю...

Его большие пальцы нащупали мои соски через лифчик, они стали такими чувствительными, что малейшее прикосновение к ним вызвало ощущение невероятного удовольствия, пронзающее мое тело до самых кончиков ног.

– Реми, мы должны остановиться, – задыхаясь, прошептала я, пока в моей голове еще оставалась пара работающих нейронов. Но даже когда я произносила эти слова, я сжимала руками его мышцы, и жаждавшей ласк, возбужденной до предела части меня было совершенно все равно, пусть даже мы сделаем это прямо здесь и сейчас, на глазах у всех.

Но мне все же хватило здравого смысла сообразить, что он просто взбесится, если кто-нибудь еще услышит, как я кончаю.

Видимо, ему тоже, так как он чуть отстранился и сделал долгий, шумный вдох. Затем он посмотрел на меня пристальным пылающим взглядом и... снова поцеловал, немного жестче. Затем тихо застонал, остановился, прижавшись своей головой к моей, и его дыхание опалило мне ухо.

– Поставь мне песню, – прошептал он хрипло, помогая мне сесть.

Прекрасно представляя, как сейчас выгляжу с этим распухшим от его поцелуев ртом, я схватила свой плеер и начала просматривать свои плейлисты, пытаясь не обращать внимания на настойчивую пульсацию между бедрами.

– Только сначала верни мне мой мозг.

Он рассмеялся и ущипнул меня за нос.

– Поставь-ка мне одну из этих задорных девчачьих песенок про женскую свободу.

– Их так много, что даже не знаю, с чего начать.

Я начала листать список, но он положил большой палец поверх моего указательного, направляя его.

– Я уже выбрал песню для тебя. Тебе такие нравятся.

Он говорил мне прямо в ухо, и по коже от возбуждения побежали мурашки. Он нажал на PLAY, включив лихую композицию из тех, которые я так любила, но это вовсе не была песня о женской силе.

Это была «Темная сторона» Келли Кларксон.

Не убегай!

Не убегай!

Просто скажи, что останешься,

Пообещай, что останешься.

Внутри у меня все растаяло, когда я услышала первые аккорды. Мне очень нравится музыка Келли, но эта песня... И особенно слова. Неужели Реми просто хотел знать... останусь ли я с ним, хотел, чтобы я пообещала больше не убегать от него?

Он снова посмотрел на меня со своей неотразимой дерзкой улыбкой. Но в его взгляде не было уверенности. В глазах светился вопрос. Он и правда хотел знать, не оставлю ли я его...

И когда он взял меня за руку и нежно переплел свои пальцы с моими, как влюбленный школьник, что каждый раз действовало на меня безотказно, я наклонилась к его уху, в котором не было наушника, и произнесла:

– Я тебе обещаю. Обещаю, что мое сердце всегда будет принадлежать тебе. Я всегда буду с тобой.

На земле не было такой песни, как и плейлиста, достаточно длинного, чтобы передать мою любовь к нему. Я любила его безоглядно, независимо от того, были ли его глаза черными или голубыми, и, хотя я знала, что в глубине души он не верит, что я навсегда останусь с ним, я поклялась, что в один прекрасный день я заставлю его поверить мне до конца. Мы улыбались друг другу, продолжая слушать эту песню, и когда он сжимал мою руку, я отвечала ему тем же, говоря себе, что, что бы ни происходило, мы всегда будем держаться за руки.



Гостиница «Феникс», в которой мы остановились, была как картинка в глянцево-м журнале. Длинное двадцатипятиэтажное здание возвышалось на фоне пустынного ландшафта посреди кактусов с огромными яркими цветами, к которым так и тянуло прикоснуться, чтобы понять, не искусственные ли они.

Когда мы вошли в отделанный мрамором холл, двое девчонок-подростков начали перешептываться, указывая на Реми, который всегда так выделялся на фоне остальных, что поневоле привлекал внимание. Они также быстро оценили всех его спутников и задержались взглядами на мне.

В ответ я подняла бровь и насмешливо улыбнулась – девчонки, наверное, пытались понять, являюсь ли я девушкой заинтересовавшего их парня, и внутри у меня невольно все скрутило – меня охватили собственные чувства, когда нахалки с таким интересом уставились на Реми.

– Посмотри-ка на этих двух вертихвосток! Надо же, какие прыткие! Этот парень привлекает внимание, – сказала мне Диана. – Скажи, ты от этого не ревнуешь?

– Ужасно ревную, – призналась я, морща нос от отвращения к испытываемым мной чувствам.

Реми подмигнул мне, стоя вместе с Питом в очереди за ключами от номеров, и Диана со смехом толкнула меня локтем в бок.

– Боже, этот парень действительно осознает свою привлекательность, – произнесла она. – Но на твоём месте я бы не ревновала, Брук, ведь вся команда видит, как вы друг друга любите. Мы не помним, чтобы он к кому-то испытывал подобные чувства. Сколько бы женщин тут ни крутилось, он всегда возвращается к тебе.

– Что ты имеешь в виду? – Я невольно нахмурилась. – Какие женщины и где они крутились?

– В гостиницах, разумеется.

– Ты имеешь в виду, недавно?

Сердце мое упало, когда глаза Дианы расширились и с ее лица схлынули все краски. Она затрясла головой и начала оглядываться вокруг, словно желая спрятаться за ближайшим цветочным горшком.

– Брук, – прошептала она извиняющимся тоном, делая шаг назад. Что происходит?

Неужели она думает, что я ее сейчас ударю?

Неужели я кажусь такой агрессивной?

Да я и не смогла бы никого ударить, так как сама еле держалась на ногах.

В глазах у меня все помутилось, когда я оглянулась на стоявшего ко мне спиной Реми. Я вспомнила его хищные движения, когда мы занимаемся любовью, его глаза, когда он наблюдает, как я кончаю. А потом представила его на большой кровати в номере отеля в компании десятка женщин, как они убажуют его и как его голубые глаза – принадлежащие мне – смотрят на них, заходящихся в экстазе.

А потом до меня дошло, что в такие моменты глаза у него вовсе не голубые, а черные. Наверное, это происходило, когда он не владел собой – в том его «диком» маниакальном состоянии, когда он способен был на всякие безумства.

Потому что в эти периоды он не был нормальным. И близко не был. Он не просто тот безрассудный Ремингтон «Рип» Тейт, которого знала публика, он страдает от биполярного расстройства, и его кидает из одного состояния в противоположное. Когда он находился в маниакальной стадии, он зачастую потом не помнил, что делал. И в течение двух месяцев, пока меня не было с ним, он как с цепи сорвался. Я вспомнила жуткий взгляд его черных, бездонных глаз, смотрящих на меня в отчаянии с больничной койки...

Внутри у меня все перевернулось, я не могла дышать из-за комка в горле, вспоминая, как он пытался сорвать кислородную маску и остановить меня.

Сердце мое бешено колотилось – сработала реакция «бей или беги». Я взглядом нашла Райли в противоположном конце холла. Он стоял, что-то листая в своем телефоне, а я живо вспомнила, как он провел целую стайку красивых женщин в блестящих нарядах в президентский люкс Ремингтона – чтобы «подбодрить» его, когда он был в своей «черной» стадии.

Не в силах сдержаться, я бросилась к нему, как пуля, прижатые к телу кулаки тряслись.

– И скольких шлюх ты приводил к Ремингтону в постель, Райли?

– Что, прости? – Он опустил телефон, глядя на меня в полном изумлении.

– Я спрашиваю, скольких шлюх ты притаскивал к нему в постель. Когда он не соображал, что с ними делает.

Он бросил взгляд на широкую спину Ремингтона, а потом схватил меня за локоть и оттащил в сторону к лифту.

– Ты тут не имеешь права голоса, Брук. Ты же тогда сбежала, помнишь? Ты бросила его, когда он весь поломанный валялся в гребаной больнице. Пит в это время исполнял роль няньки при твоей сестрице – в реабилитационном центре для наркоманов, между прочим, – а я пытался собрать его по кусочкам после того, что ты с ним сделала своим долбаным письмом! Вряд ли ты когда-либо поймешь, какой это был кошмар. На случай, если ты забыла, Рем иногда попадает в депрессию. Его надо было выдернуть из этой кошмарной бездны...

– Эй, – Ремингтон схватил его за воротник и резко дернул, – что это ты себе позволяешь?

Райли раздраженно высвободился и посмотрел на него сердитым взглядом, поправляя галстук и одергивая шикарный пиджак.

– Я пытался объяснить Брук, что у нас была невеселая ситуация, когда она удрала.

Реми раздраженно ткнул пальцем в грудь Райли.

– С этим проехали. Понял?

Райли сжал челюсти, а Ремингтон продолжал наступать, заставляя его сделать шаг назад.

– Еще раз спрашиваю – ты понял?

Райли неохотно кивнул.

– Да, я все понял.

Не говоря больше ни слова, Ремингтон обнял меня за шею и повел к лифту.

Пока мы поднимались, у меня все внутри сжималось от боли, хотя я честно пыталась убедить себя, что не имела права предъявлять претензии. Я ничего не видела перед собой, когда мы вошли в пентхаус. Теперь мы живем здесь. Гостиничные апартаменты всегда были домом для нас, но все же я чувствовала, что это не совсем так. Мой дом был далеко отсюда

– рядом с этим мужчиной. Я должна принять тот факт, что любовь к нему может принести мне погибель. Снова и снова я повторяла себе, что любовь к Ремингтону может разрушить меня. Мое сердце разрывалось, когда он сражался на ринге и получал жестокие удары. Когда он впадал в неистовство и глаза его становились темными, когда он не помнил, что говорил или делал, – я тоже испытывала невыносимые страдания.

– Ну как тебе наши комнаты, зажигалка? – Меня обдало жаром его тела, когда он приблизился ко мне сзади и, обхватив руками, прижал к себе. В его объятиях мне было так тепло, я чувствовала себя защищенной... несмотря ни на что.

– Может, сходим на пробежку, пока еще не стемнело?

Он провел губами по впадинке между шеей и ключицей, и это легкое движение заставило мое сердце трепетать. Но я решительно одернула воротник блузки и повернулась к нему, чувствуя себя так, словно слопала целую клумбу кактусов.

– Ты трахался с другими женщинами?

Наши глаза встретились, и меня охватила волна отчаяния, когда я посмотрела ему в лицо.

Хоть убей, я не могла понять, что у него происходит в голове.

– Я понимаю, что не имею права спрашивать тебя об этом. – Я пристально всматривалась в его голубые глаза, он тоже сверлил меня вопрошающим взглядом. – Мы с тобой тогда разошлись, так ведь? И между нами было все кончено. Но все же я хотела бы знать...

Я ждала ответа, но его глаза внезапно засветились веселыми огоньками. На самом деле он улыбался!

– Значит, это волнует тебя? – спросил он с лукавым видом, приподнимая одну бровь. – Ты переживаешь, что я спал с другими?

Во мне вскипела ярость пополам с ревностью, я схватила подушку с дивана и обрушила ее на его грудь, вся пылая негодованием.

– А ты как думаешь, чертов извращенец?

Он схватил подушку и отбросил ее в сторону.

– Покажи мне, насколько это тебя волнует. – Веселые искорки в его глазах разозлили меня еще больше, стиснув зубы, я швырнула в него еще одну подушку.

– Признавайся немедленно!

– Зачем тебе это знать? – Он откинул подушку и приблизился ко мне с дерзкой улыбкой. Я отступила. – Ты же бросила меня, зажигалка, забыла? Сбежала, оставив это милое письмо с пожеланиями пойти к черту и начать новую жизнь.

– Это не так! Я оставила это письмо, потому что люблю тебя, и открыто об этом написала. А ты мне не признавался, пока я не вернулась и не заставила тебя это произнести.

– Ты такая очаровательная, когда злишься. Иди ко мне. – Он схватил меня за шею и притянул к себе. Мне потребовались все силы, чтобы вырваться.

– Ремингтон! Ты что, издеваешься надо мной? – в полном отчаянии крикнула я.

– Я сказал, иди ко мне. – Он снова схватил меня в объятия, а я вертелась и извивалась в его руках, пытаясь высвободиться.

– Реми, скажи мне! Скажи, что ты тогда творил? – умоляла его я.

Он придавил меня к стене, прижавшись лбом к моему лбу с видом собственника.

– Мне нравится, как ты меня ревнуешь. Это потому что ты меня любишь, правда? Ты не хочешь меня ни с кем делить?

– Отпусти меня немедленно, – зло выдохнула я.

Он поднял большую загорелую руку и обхватил пальцами мою щеку, так нежно, словно я была хрустальная.

– Я-то точно не хочу тебя ни с кем делить. Хочу, чтобы ты принадлежала мне одному. Ты моя, и я никогда тебя не отпущу.

– Это не мешало тебе отказывать мне в физической близости многие месяцы, – задыхаясь, произнесла я. Внутри у меня все горело от ревности и страдания. – А я умирала от любви к тебе. Сходила с ума. Я... даже кончила, обтираясь о твою ногу, как полная идиотка. Ты не допускал меня до себя, а я умирала от желания. У тебя больше выдержки, чем у самого Зевса! А не успела я ступить за порог, как они притащили тебе всех этих шлюх, и для них, конечно, нашлось место в твоей постели.

Он все еще улыбался, но огоньки в его глазах погасли, и взгляд стал серьезным.

– А что бы ты сделала, будь ты там? Попыталась их остановить?

– Конечно!

– Но тебя там не было?

Мне показалось, что я вот-вот задохнусь.

Он опустил голову и заглянул в мои глаза с искренним любопытством.

– Где ты находилась в то время, Брук? – Его большая теплая ладонь обхватила мою шею, большой палец поглаживал ямочку, где бился пульс.

– Я была сломлена, – воскликнула я с гневом и горечью. – Ты сломал меня.

– Неправда. Это твое письмо сломало меня.

Глаза его больше не смеялись. Он нежно провел большим пальцем по моей шее, обвел мой подбородок, погладил губы.

– Я не смогу заставить себя забыть твои губы, даже если поцелую тысячи женщин.

Тут в дверь постучали, но мы оба были на взводе из-за этой ссоры. Он крепко сжимал меня в руках, а я была глубоко погружена в горестные переживания. Сердце мое разрывалось при мысли о том, что я сама тогда разрушила наше счастье и мы расстались. Мне же хорошо известно, что ему нужен секс, когда он в маниакальном состоянии. Да, я знаю, что ушла от него по собственной инициативе. И не могу теперь заявлять права на Ремингтона и осуждать его за то, что он говорил или делал без меня.

Когда я покинула его в тот раз, мое сердце разбилось, а теперь, когда до меня наконец дошло, что происходило, пока меня не было рядом, оно снова разлетелось на мелкие осколки. Я стояла перед Реми, и в горле у меня застрял комок, я дышала с усилием, как изрыгающий пламя дракон.

Он повернулся, чтобы открыть дверь и втащить в номер один из чемоданов, который принес стоявший у двери коридорный. Я попыталась уйти, но он схватил меня за ткань блузки и сказал:

– Сядь сюда.

Я оттолкнула его руку, не понимая, хочу я сейчас остаться с ним или нет. В голове у меня все смешалось. Это я сломалась и ушла от него. И злиться мне надо сейчас не на кого-нибудь, а на себя. Все внутренности у меня свело от боли, когда мы стояли, глядя друг на друга в упор. Я смахнула слезу, направляясь к открытой двери, пока Ремингтон продолжал затаскивать остальную поклажу в номер.

Я знала, что именно я создала такую ситуацию. Потому что считала, что у меня хватит сил расстаться, хотела защитить себя, а в результате причинила боль ему и еще множеству людей, и сама страдала от всего этого. Я думала, что смогу защитить его и спасти свою сестру, – но в результате всех подвела. Но моя душа тогда так болела, что мне хотелось просто куда-то убежать, скрыться от всего мира и долго-долго плакать. Я снова представила, как все эти шлюхи в блестящих нарядах входили в его апартаменты в гостинице, пока он не мог себя контролировать, и меня чуть не вырвало.

– Благодарю. Не могли бы вы отнести эту спортивную сумку и этот чемодан в другой номер? – сказала я коридорному.

Парень кивнул и потащил тележку в сторону лифта.

– Куда это ты собралась? – спросил Ремингтон, когда я вышла в коридор.

Я судорожно вдохнула и повернулась к нему:

– Сегодня я буду ночевать с Дианой. Я не очень хорошо себя чувствую. Думаю, нам следует обо всем этом поговорить, когда я успокоюсь, – с трудом выдавила я из себя.

Он рассмеялся.

– Ты это серьезно?

Когда я подошла к лифту и нажала кнопку вызова, его смех утих.

Я проследовала в лифт за коридорным, еле сдерживая слезы и чувствуя, что меня вот-вот вырвет. Молодой парнишка улыбнулся мне и спросил:

– Вы первый раз в этой гостинице?

Сглотнув с усилием, я кивнула.

Как только переступила порог номера Дианы, у меня потоком полились слезы. Диана внесла мои чемоданы в комнату и закрыла дверь.

– Брук, прости, я вовсе не хотела причинить неприятности! Я думала, ты обо всем знаешь. Вокруг него всегда вертелись женщины – фанатки и подобные, – пока не появилась ты. Мне жаль, что так получилось.

– Диана, я же сама его бросила! Я понимаю, что это моя вина. Да, это я во всем виновата. Даже в его проигрыше на чемпионате.

– Брук, – Диана присела рядом со мной на кровать, пытаюсь меня успокоить.

– Эти женщины приходят и уходят. Это все несерьезно...

Я смахнула слезы, шмыгнув носом, но отчаяние все еще лежало на сердце тяжелым грузом.

– Он вел такой образ жизни до того, как я появилась в его жизни. Не знаю, чего я ожидала, когда покинула его. Я думала, что это поможет ему восстановиться, понимаешь? Но я знаю, что не в его характере хандрить и опускать руки. Он бы скорее...

Вел бы себя безрассудно. Впал в маниакальное состояние. Начал бы крушить все вокруг. Но что, если на самом деле у него началась бы депрессия? Я трусливо убежала, бросив его на произвол судьбы, и ему пришлось переживать все это в одиночку, а Пит с Райли лишь пытались справиться с ситуацией так, как они привыкли. По моим щекам снова потекли слезы.

– Поплачь, не надо сдерживаться, – попыталась поддержать меня Диана. Я поморщилась, когда у нее зазвонил телефон.

– Да, Ремингтон, – прошептала она и тотчас же сбросила вызов.

– Он идет сюда. Требуется, чтобы я открыла дверь, иначе он ее выломает.

– Я не хочу, чтобы он видел меня в таком состоянии! – вскричала я, вытаскивая платок, как будто можно было скрыть тот факт, что я ревела здесь, как младенец.

Диана распахнула дверь, и Ремингтон ворвался в комнату, подобно урагану.

– Диана, – тихо произнес он, а затем бросился к кровати, на которой я лежала, свернувшись калачиком.

Его голубые глаза светились волнением.

– Пойдем со мной, – сказал он, протянув мне руку.

– Не хочу, – произнесла я, вытирая слезу, которая катилась по щеке против моей воли.

Его ноздри раздувались – было видно, что он с трудом сдерживает эмоции.

– Ты моя, и я тебе нужен, и я хочу, чтобы ты поднялась со мной наверх, черт возьми.

Я вжала голову в плечи, размазывая слезы по щекам и шмыгая носом.

– Успокойся и иди ко мне. – Он подхватил меня на руки. – Спокойной ночи, Диана.

Я брыкалась, но он прижал меня к себе и прошептал мне на ухо:

– Можешь лягаться и царапаться, сколько тебе угодно. Можешь кричать, бить меня. Можешь обзывать меня последними словами, но спать ты сегодня будешь в моей постели.

Он отнес меня в лифт и потом в свой номер. Захлопнув ногой дверь, он бросил меня на кровать и сорвал свою майку. Мышцы его при этом были так напряжены, что я видела

каждый дюйм его великолепной кожи – кожи, к которой прикасались, которую целовали и лизали другие женщины. Новый припадок ревности и сомнений пронзил меня, словно острый нож. Я заорала, как безумная, и изо всех сил сопротивлялась, размахивая руками и брыкаясь, когда он протянул руки и начал раздевать меня.

– Ах ты мерзавец, не смей ко мне прикасаться!

– Тихо-тихо, послушай меня. – Он крепко держал меня в руках, неотрывно глядя на меня, я чувствовала себя в ловушке. – Я до безумия люблю тебя. Мне было очень плохо без тебя. Я словно в аду побывал. Прекрати вести себя как неразумное дитя, – проговорил он, сжимая ладонями мое лицо. – Я люблю тебя, только тебя. Иди ко мне.

Он сгрел меня в охапку и усадил себе на колени. Я не ожидала такой нежности с его стороны. Я думала, что мы подеремся и я смогу выместить на нем всю свою злость, но он обезоружил меня, и теперь я рыдала в его объятиях, а он шептал мне на ухо тихим, но уверенным голосом:

– Как ты думаешь, легко ли мне было пережить твой уход? Ты считала, что я легко с этим справлюсь? Что не буду чувствовать себя одиноким? Преданным? Не буду страдать из-за того, что ты мне лгала? Не буду чувствовать, что меня использовали, а потом бросили? Не буду считать себя бесполезным ничтожеством, которому остается только умереть? Наверное, сложно представить, что бывали такие дни, когда я ненавидел тебя больше, чем любил, за то, что ты бросила меня? Теперь ты понимаешь?

– Я оставила свою прежнюю жизнь ради тебя, – воскликнула я. Мне было так невыносимо больно, что я обхватила себя руками, словно боялась рассыпаться на кусочки. – С того дня, как я встретила тебя, всё, чего я хотела, – это принадлежать тебе. Ты сказал, что ты мой, что ты любишь меня по-настоящему...

Он тихо застонал и тесно прижал меня к себе.

– С тобой я настоящий и принадлежу тебе душой и телом навсегда.

По моим щекам продолжали катиться слезы, а я смотрела в его глаза, такие невыразимо прекрасные, глаза моего Ремингтона. Они такие ярко-голубые, и их нежный взгляд проникал мне в самую душу, казалось, они все обо мне знают, но они уже не смеялись – в них застыла боль, которую испытывала и я. Я больше не могла выносить его взгляд и отчаянно разрыдалась, закрыв лицо руками.

– Все это время с тобой должна была быть я, – произнесла я. – Только я и никто другой.

– Тогда зачем ты заверяла в меня в своей любви, а потом сбежала? Ты умоляла меня сделать тебя своей, а потом бросила, когда я не мог этому помешать. Я не мог поехать за тобой. Разве это честно? Я тогда не мог даже подняться с постели и попытаться остановить тебя.

Я зарыдала еще сильнее.

– Когда я пришел в себя, тебя рядом не было, а было лишь твое гребаное письмо. А я хотел видеть тебя. Только это мне тогда было нужно.

Мне было невероятно тяжело слышать это. Я плакала так горько, что не могла произнести ни слова. Похоже, рыдания так измотали меня, что я задремала у него на коленях, и когда я проснулась среди ночи, мои глаза и голова болели от слез. Я была совершенно обнажена. Я поняла, что он раздел меня, как всегда делал, и я чувствовала его разгоряченную кожу, прижимающуюся к моей. Его голова лежала на моем плече, он обнимал меня руками, и я подавалась к нему, прижимаясь еще теснее, несмотря на всю боль, которую испытывала. Да, мы были друг для друга источником величайших страданий и величайшего утешения. Он прижал меня к себе еще крепче и втянул в себя мой запах так жадно, словно это был последний день его жизни, и я сделала то же самое не менее страстно.

Глава 4. Феникс возрождающийся

На следующий день я чувствовала себя, прямо скажем, дерьмово, но потом за завтраком Ремингтон тихо предложил:

– Пробежишься со мной до спортзала?

Я кивнула.

Он смотрел на меня так, словно не мог понять, что ему делать с готовой вот-вот взорваться гранатой. Я тоже пыталась понять, что делать с собой. Я никогда в жизни не чувствовала себя настолько поглощенной ревностью и обидой, гневом и... в то же время отвращением к себе. От этих эмоций я не могла есть – меня слегка подташнивало, так что я просто выпила апельсиновый сок, а потом натянула спортивные штаны и теннисные туфли и изо всех сил пыталась сдержать рвотные позывы, пока чистила зубы.

Аризона в эти дни была настоящим пеклом, и на тропе перед нашим отелем я натянула кепку и спокойно принялась растягивать мышцы ног, пытаясь сосредоточиться на том, что я любила больше всего на свете после Ремингтона, а именно – на беге. Я была уверена, что это поможет мне встряхнуться и почувствовать себя... ну пусть не отлично, но хотя бы сносно.

Мы больше не говорили об этом. Мы не целовались.

Мы даже не прикасались друг к другу.

С тех пор, как я ревела как идиотка в его объятиях прошлой ночью. Когда я проснулась, он смотрел в окно, повернувшись ко мне в профиль, его лицо было непроницаемо, а когда он повернулся, словно почувствовав мой взгляд, мне пришлось закрыть глаза, потому что я просто испугалась, что если он будет нежен со мной, я снова сломаюсь.

Пока я растягивалась, он подпрыгивал на месте, чтобы разогреться. В простой серой толстовке и спортивных штанах он выглядел так же убийственно, как и всегда. За него можно умереть. Убить. Бросить всю свою жизнь в Сиэтле навсегда.

– Я готова, – сказала я ему, кивая.

– Тогда вперед. – Он мягко шлепнул меня по заднице, и мы стартовали, но после бессонной ночи я не могла бежать с той скоростью, с которой хотелось. Ремингтон сегодня выглядел чуть более усталым, чем обычно, но спокойно трусил рядом со мной, время от времени помахиная кулаками в воздухе.

Я напрасно ждала, когда мои эндорфины начнут мне помогать, тело сегодня отказывалось со мной дружить, как и мои эмоции. Больше всего мне сейчас хотелось забиться в какой-нибудь тихий уголок и плакать, пока не выплачу все, что накопело, всю свою боль, и пока я не перестану злиться на себя и на него за то, что он готов был принять что угодно и кого угодно, в то время как месяцами отказывался от меня.

Я остановилась и, согнувшись, уперлась руками в колени, стараясь успокоить дыхание и успокоиться самой. Ремингтон, убежавший вперед, замедлил шаг и, размахивая кулаками в воздухе, направился ко мне. Мне с трудом удалось подавить стон отчаяния – я так дерьмово себя чувствую, в то время как он выглядит и чувствует себя прекрасно. Он остановился рядом со мной, и я, чтобы не выдать обуревающих меня чувств, натянула бейсболку ниже на глаза.

– Если мы бежим в спортзал, то желательно все же добраться туда сегодня, – весело сказал он, протягивая мне руку и одновременно приподнимая мою кепку за козырек. Я сильно прикусила губу, чтобы скрыть свои эмоции, пока он внимательно изучал мое лицо своим пристальным взглядом.

Он улыбался, глядя на меня сверху и демонстрируя свои ямочки на щеках, – немного самонадеянный, очень сексуальный Ремингтон Тейт, мужчина моей мечты в серой толстовке. Голубые глаза не отрывались от моего лица. И даже сейчас я не могла не думать о том, насколько он совершенен в своей физической красоте, о том, как гармонично двигалось его

мощное тело во время бега. Он бежал так легко и свободно, словно бросал вызов гравитации. Его твердые как камень широкие плечи натягивали материал толстовки, а ноги пружинисто отбивали какой-то такт по тротуару.

Пожалуйста, пусть меня просто кто-нибудь убьет прямо сейчас.

– Я думаю, что просто пойду туда, – сказала я ему, опускаясь на корточки, чтобы добавить еще один узел на якобы развязавшихся шнурках моей кроссовки, лишь бы не смотреть на него. – Беги без меня, а я подойду попозже. – Я никогда не отказывалась бегать с ним. Это было только наше особенное время, но сейчас я почувствовала себя очень слабой, близкой к обмороку и невероятно несчастной.

Опустившись на корточки рядом со мной, он сдернул кепку, закрывающую от него мое лицо, и изучающе посмотрел на меня, уже без улыбки в глазах.

– Я тоже пройду с тобой, – сказал он, легко поднимаясь и надевая кепку обратно мне на голову.

– Тебе совершенно не обязательно это делать. Тренер Лупе тебя ждет.

Он обхватил меня рукой за подбородок и прекратил все мои возражения одним встревоженным взглядом голубых глаз.

– Я. Пойду. С тобой, Брук. А теперь дай мне свою руку, и я помогу тебе подняться.

Он протянул руку, и я молча посмотрела на нее – как мне хотелось ее принять! А затем сама без его помощи поднялась и зашагала вперед.

Он тихо засмеялся и поравнялся со мной, подстраиваясь под мой шаг.

– Просто не верится, мать твою, – пробормотал он.

Он засунул руки в карманы, упрямо наклонил темноволосую голову немного вперед, разглядывая тротуар под ногами, и неторопливо пошел рядом со мной. Капюшон его толстовки откинулся с головы, когда он наклонился, чтобы протянуть мне руку, черные волосы были, как всегда, в восхитительном беспорядке... боже, как мне хотелось взъерошить их, поцеловать и притвориться, что я сильная, как и раньше, но вместо этого меня снова затошнило, и я поняла, что я совсем без сил.

– Сколько их всего было? Ты знаешь? – Вопрос невольно сорвался с моих губ. Какая же я дура!

Он издал низкий рычащий звук и дернул себя за волосы обеими руками.

– Просто скажи мне, что ты хочешь, чтобы я сделал. Что ты хочешь, чтобы я сказал? Ты не перестаешь плакать, ты ничего не ешь, черт возьми, ты избегаешь моих прикосновений. Какого хрена ты придаешь этому такое значение?

– Потому что ты даже не помнишь, не знаешь, кто они такие и что с ними делал. Одна из них, может быть, уже беременна от тебя! Они могли сфотографировать тебя. Они могут использовать это против тебя!

Он весело, беззаботно рассмеялся и посмотрел на меня с легким удивлением, как будто никто и никогда не причинял и не мог причинить ему боль! Но они могли! Тупой, самодовольный придурок – они могут это сделать с тобой!

И неважно, что он самый сильный человек, самый могучий боец, которого я когда-либо знала. Когда он в своем «черном» состоянии, он становится безрассуден и очень уязвим, он может навредить сам себе, и ему определенно могут навредить другие. Мысль о том, что кто-то чужой, особенно какие-то шлюхи, имели в такие моменты доступ к нему, приводила меня в ярость. Я вытерла злые слезы и ускорила шаг, стараясь не смотреть на него, но не тут-то было – он нагнал меня, подтолкнул плечом, намеренно касаясь тыльной стороной ладони моей руки.

– Просто возьми меня за руку, моя маленькая зажигалка, – мягко сказал он.

Глубоко вздохнув, я оттопырила мизинец и зацепилась им за его палец. Мгновенно ощутив, как тепло его тела побежало по моей руке, я с запозданием поняла, что теперь он наверняка заметит, как я дрожу.

– Я предлагаю тебе всю руку, а ты мне всего лишь мизинец? – поддразнил он меня тихим воркующим голосом, от которого все внутри меня начинает таять.

– Ремингтон, я не могу сейчас, прости!

Я снова побежала вперед, и он, больше ничего не говоря и не пытаясь поравняться со мной, просто бежал за мной до спортзала. Там он так же молча скинул толстовку, надел перчатки и принялся с невероятной силой и злостью колотить по своей груше, так ни разу и не взглянув в мою сторону. Я стояла у боковой черты, напряженная, ощущая каждым волоском на своем теле электрические разряды, проходящие между нами, как между разорванными проводами электрической цепи, готовыми вот-вот полыхнуть огнем. Тренер внимательно наблюдал за ним некоторое время, потом перевел вопросительный взгляд на меня и подошел к Райли, с одинаковым беспокойством рассматривая нас обоих.

Все молчали. Никто из них не заговорил ни с ним, ни со мной. И тогда я развернулась, отправилась в ванную комнату, и там меня вывернуло наизнанку.



На арене спортивного клуба «Феникс» было невыносимо жарко, как в прямом, так и в переносном смысле.

Даже все дорогие места были заполнены, и теперь здесь неистово кричали и бесновались около пятисот человек, когда Мясник и Кувалда один за другим выходили на ринг. А затем внезапно – бац! Чпок! И Кувалда, весь в крови, неподвижно лежит на полу.

– Ох ты, как ему не повезло, – заметил Пит.

Кирк «Кувалда» Дирквуд даже не дернулся с того момента, как шлепнулся на пол.

Мясник, без сомнения, был мощным бойцом. Огромный, мускулистый, он казался вдвое или даже втрое крупнее любого другого участника состязаний, кулаки у него были будто железные шары, а костяшки пальцев торчали словно шипы. Его объявили победителем, и он сразу же начал выкрикивать ругательства толпе, он орал им, что он «величайший ублюдок, которого когда-либо видел этот ринг!», а затем внезапно настил задрожал под его ногами, когда он начал сердито топтать по рингу и реветь во всю глотку: «Подайте мне РИПА! Я отымею этого гребаного Рипа!!!!»

Пока они вытаскивали бесчувственную тушу Кувалды с ринга, Мясник колотил себя в грудь, как разъяренный самец гориллы, и с каждым его ударом мой желудок все больше сжимался.

– РИП!! Слышишь меня? Выходи, слизняк! Давай встретимся лицом к лицу, и я отделаю тебя, как это сделал Бенни! – продолжал орать Мясник страшным голосом, подобно какому-то монстру.

– Он дружит с сама-знаешь-кем, – прошептал мне Пит, закатывая глаза. – А теперь, благодаря прошлогоднему финалу, он думает, что тоже может победить Рипа.

От кровожадных выкриков Мясника толпа заводилась все больше. Один раз произнесенное, имя распространилось по трибунам, как пожар, начавшись с тихого шелеста и поднимаясь до крещендо: Рип! РИП!

Я тут же каждой клеточкой своего существа ощутила неизбежное – они не успокоятся, пока не вытащат его на ринг. Его призывал не только Мясник, но и вся возбужденно кричащая публика.

– Рип! Рип! РИП! – скандировал зал.

Я чувствовала, как огромный кулак медленно выжимает содержимое из моего желудка, пока искала его взглядом. Он злился на меня. Он злился на меня, потому что я вела себя нелепо, и я ненавидела себя за то, что не могу перестать вести себя так, а потому злилась на себя сама.

Бой продолжался. Удары сыпались градом, но, кажется, Реми больше не пропустил ни одного. Вот он сделал ложный выпад в сторону, и Мясник ударил в то место, где только что был его противник. Ремингтон ответил апперкотом в лицо – таким сильным, что Мясник отшатнулся в сторону. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы восстановить равновесие. Он ударил с размаха, но Реми пригнулся и ответил стремительными точными выпадами в грудь, в живот и в голову. *Бах, бах, бах!*

Мясник явно разъярился. Удар был направлен в голову Реми, но тот блокировал его и нанес ответный полухук прямо в уродливое жирное лицо своего противника. Мясник отшатнулся и упал на колени.

Я слышала, как рядом со мной, накручивая себя все больше и больше, Пит бормочет себе под нос: «Давай, Рем. Почему ты позволяешь ему это? У тебя же есть твой коронный удар». Повернувшись ко мне, он прошептал:

– Можно научить скорости и ловкости, но невозможно научить человека быть таким искусным боксером, как Рем. Как только он начинает бить по-настоящему, все кончено! – он радостно ухмылялся, а вот я улыбаться не могла.

Я видела, как кровь течет из его ран, и по мере того, как бой продолжался, он пропустил еще пару ударов.

Я ненавижу, ненавижу, ненавижу, когда ему причиняют вред, хотя это моя работа – помогать ему восстанавливаться после боя и тренировок. А он только смеялся и сплевывал кровь, как будто ему это нравилось.

Кошмарный последний бой прошлого сезона что-то сломал внутри меня, и теперь вид получающего удары Реми убивал меня снова и снова.

Этот страх давно рос и терзал меня, а сегодня вечером он стал просто непреодолимым. На мгновение у меня закружилась голова, и в то же время я была уверена, что адреналин не даст мне отключиться, поддержит мое тело в должном состоянии, чтобы я была готова защищать его.

Между тем Мясник уже поднялся на ноги и сразу бросился в атаку, проведя серию сильных ударов, один из которых его противник пропустил. Голова Ремингтона откинулась, но сам он остался твердо стоять на ногах. Мое дерево несокруσιμο, как всегда. Его ответный хук в челюсть был хорош. Боксеры сцепились в клинче, затем отскочили друг от друга, и на этот раз Ремингтон пошел в атаку, не обращая внимания на кровь, струящуюся по лицу. *Бах-бах-бах!*

Серия его быстрых точных ударов заставила Мясника отшатнуться, а затем и вовсе отлететь на канаты, но он продолжал держаться на ногах. Реми загнал его в угол, я видела, как перекачиваются его мышцы под блестящей от пота кожей, когда он наносил удары по корпусу и по голове.

У меня перехватило дыхание. Страх терзал мои внутренности, смешиваясь с другими, противоположными, но не менее сильными ощущениями, такими как невероятное возбуждение и восторг, которые всегда захватывали меня при виде моего сражающегося льва. Он просто потрясающий. Внутренняя сила, бьющая через край, великолепно вылепленное тело, завораживающая красота движений, идеальная работа каждой мышцы. Ремингтон использовал в борьбе не только силу, но также разум и инстинкт. Казалось, он рассчитывает, строит план, а затем просто отпускает себя и работает на инстинкте, но самое главное, он, кажется, живет этим боем. Он по-настоящему любит сражаться.

Его лицо сосредоточенно, он весь собран, и мне понятно, что наступил решающий момент боя. Виртуозная комбинация ударов – и вот уже Мясник лежит у его ног. В буквальном смысле – лицом на ботинках Реми.

С широкой довольной улыбкой Реми отступил в сторону от поверженного врага и развернулся всем телом в мою сторону.

В своих серых спортивных штанах и удобной красной толстовке с надвинутым на голову капюшоном, чтобы не переохладиться после боя, он выглядел очень мирно, как-то даже домашнему. Он раскинулся на сиденье, большой и спокойный, но из носа у него продолжала течь кровь, губы и ссадина над бровью кровоточили. Глядя на его разбитое лицо, я чувствовала, что сейчас взорвусь. А он продолжал внимательно смотреть на меня ясными голубыми глазами.

Наверное, я должна была бы привыкнуть к тому, что мой парень зарабатывает на жизнь кулаками, но я не могла. Не могла спокойно сидеть здесь, смотреть на его кровоточащее опухшее лицо и при этом не желать надавать тумаков тому, кто это с ним сделал. Мне ужасно хотелось ударить кого-нибудь, и в то же время трясло от желания протянуть руку, обнять, притянуть к себе этого большого и сильного, но так нуждающегося в моей заботе мужчину, а единственное, что я могла сейчас сделать, это мысленно считать минуты, пока мы добирались до нашего отеля.

– Послушай, Брук, – догадался наконец Райли, – давай поменяемся местами, чтобы ты могла позаботиться о нем.

Я пересела на его место, устроилась справа от Ремингтона и, быстро порывшись в его открытой спортивной сумке, извлекла оттуда спиртовые тампоны, мазь и полоски.

– Давай я попробую тебя подлечить, – прошептала я ему, и – о боже! – мой голос прозвучал очень интимно, даже под взглядом нескольких пар глаз. Похоже, у меня не было для него другого тона, кроме вот такого: низкого, хрипловатого от переполняющих меня эмоций.

Реми развернулся в мою сторону, предоставляя в мое полное распоряжение свои раны, и я чувствовала на себе живой, заинтересованный взгляд, когда прикладывала мазь к пухлой нижней губе, которая у него всегда страдала во время боя в первую очередь. Я невольно закусила свою собственную губу, когда накладывала лекарство на ссадину. Боже, как же я ненавижу, когда ему причиняют боль!

– Бровь тоже обработай, там рана выглядит довольно глубокой, – командовал между тем Пит.

– Да, я поняла, – ответила я ему все тем же голосом, который, вопреки своему желанию, никак не могла контролировать. Я очень старалась действовать быстро и осторожно, но руки у меня предательски дрожали, и жар тела Ремингтона, еще не полностью остывшего после боя, окружал меня горячим коконом, как будто он заключил меня в свои объятия. Его частое дыхание опаляло мой висок, и мне требовались сейчас все мои силы, чтобы подавить отчаянное желание наклониться ближе и вдохнуть его в себя, просто для того, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Все еще накачанная адреналином, я перешла к ране над его глазом и сжала ее двумя пальцами. Бог мой. Я едва могла находиться так близко к нему. Сотни тонких молний бежали от моих пальцев к плечам и дальше – вонзаясь прямо в мое бедное трепещущее сердце.

Глубоко вздохнув, я слегка надавила на края раны, пока осматривала остальные повреждения на его лице... и увидела, что его взгляд полностью сосредоточен на мне. Внутри у меня все сжалось.

Он сидел, развалившись на сиденье, как будто в расслабленной позе, но его странная неподвижность заставила меня насторожиться, и я почувствовала в нем скрытую энергию, как у замершего в неподвижности, но готовившегося к прыжку зверя. К прыжку на меня.

Мое сердце забило быстрее, я задержала дыхание, чтобы не выдать себя, и, наклонившись еще ближе, схватила салфетку и прошептала самым ровным тоном, на который только была способна:

– Пожалуйста, закрой глаза.

Сдавливая рану над его бровью, я начала промакивать кровь, которая капала на его веко и щеку. Он послушно закрыл один глаз, но при этом продолжал наблюдать за мной другим, как будто в моем лице было что-то, что он непременно должен был видеть.

Внезапно тишину разорвал его хриплый, гортанный голос. Я едва не подскочила от неожиданности.

– Я в полном дерьме. Мой правый бицепс травмирован, и плечо повредил, когда я отбил его боковой удар слева.

– Парень, это просто безумие. Как ты мог столько напортачить за один вечер? – недоуменно спросил Райли.

– Брук, ты знаешь, что делать, – скомандовал тренер с переднего сиденья. Молча кивнув, я посмотрела прямо в голубые-преголубые глаза Ремингтона, в которых светилось мужское удовлетворение, и сжала челюсти, когда до меня наконец дошло, что здесь на самом деле происходит.



Пока мы добирались до нашего гостиничного номера, я вся кипела от злости.

– Ты ведь нарочно позволил ему избить себя, верно?

Он плюхнулся на скамейку в ногах кровати и поднял на меня невинный, недоумевающий взгляд, отбрасывая пустую бутылку из-под энергетического напитка.

– Я в полном дерьме, так что иди и почини меня.

– Да, ты облажался, это верно, но ведь вовсе не твой бицепс нуждается в моей нежной заботе!

– Верно, не он. – Его глаза чуть мерцали в мягком свете лампы, когда он смотрел на меня. – Так ты собираешься меня лечить?

– Только потому, что ты мне за это платишь, – сердито пропыхтела я и, схватив свои принадлежности для массажа, в том числе масло арники и горчичное масло от воспалений, направилась в ванную и включила воду. – Сейчас ты примешь холодный душ.

Изогнув губы в кривой усмешке, он поднялся на ноги и призывно помахал мне, а когда я в недоумении подошла, обхватил меня одной рукой за плечи и чуть привалился ко мне, как если бы его не держали ноги.

– Что такое? Тебе нужна помощь, чтобы дойти до ванной? Всего полчаса назад ты бодро прыгал по рингу, – насмешливо сказала я ему.

– Эндорфины убивают боль, – прошептал он мне на ухо, когда я, обняв его за талию, вела в ванную. – Я же признался, что оказался в полном дерьме.

Я прислонила его к стене и открыла дверь в душевую, но пока я проверяла рукой температуру воды, он подхватил меня на руки, повернул кран на среднюю температуру и как был – в одежде и обуви – вошел под струю вместе со мной.

Вода обрушилась на нас, я задохнулась от удивления и неожиданности и начала брыкаться, чувствуя, как одежда, все больше намокая, прилипает к коже.

– Что ты делаешь? С ума сошел?

Он молча стянул с меня кроссовки и перебросил их через стеклянную перегородку над кабинкой, затем поставил меня на ноги и стянул юбку вниз. Феромоны, которые он в избытке источал после каждого боя, пошли войной на мои чувства, и мне стало так жарко, что, казалось, единственное, что не давало мне превратиться в пепел, это вода, бьющая по моей коже.

– Что ты делаешь? – задыхаясь, повторила я.

Он сдернул с меня мокрый топ, и тот плюхнулся на мраморный пол. Затем начал раздеваться сам, а я вся кипела, переполненная гневом из-за того, что он позволил себя ударить, и до такой степени возбужденная видом его перекачивающихся под золотистой кожей мышц, что мне самой хотелось его избить... и расцеловать одновременно. Когда его боксерские трусы шлепнулись на пол, он отбросил их ногой в сторону и... о боже, я закрыла глаза.

Мне пришлось даже прикусить нижнюю губу, чтобы подавить в себе желание тут же броситься к нему и дать ему все, что он захочет. Не сводя с меня глаз, он отступил назад, под воду, его широкие плечи заслонили меня от бьющих сверху струй, и когда я почувствовала, как его большой палец медленно заскользил по моему подбородку и мягко оттянул нижнюю губу, то услышала его хриплый шепот:

– Это мое!

Я едва могла дышать. Он буквально подавлял меня. Я могла сколько угодно сопротивляться своей реакции на него и все равно проиграла бы. Он не отрывал сверкающих глаз от моего лица, и собственническое, хищное выражение его взгляда пронзило меня от макушки до пяток. Я отрешенно наблюдала, как ручейки воды стекают по его подбородку, и тут он обхватил ладонями мою задницу и крепко прижал к себе, его эрекция уперлась в мой живот, а беспощадный взгляд требовал ответа.

– Ты, – заговорил он резко и повелительно, проводя влажным пальцем по моим губам, – будешь любить меня до самой моей смерти. Я сделаю все, чтобы ты любила меня, даже если это причинит нам боль, и даже когда будет больно, я сделаю все, чтобы тебе было хорошо, Брук. – Он просунул большой палец мне в рот и провел им по кончику языка, требуя, чтобы я лизнула его. Как только я это сделала, мои соски сразу напряглись, и я едва не застонала, когда он вытащил палец, чтобы провести влажной скользкой подушечкой по моей нижней губе. – Ты будешь чертовски любить меня, даже если это убьет нас обоих.

Я чувствовала, как болит грудь от нехватки воздуха, в то время как вся остальная часть меня жаждала ощутить прикосновения его рук. И когда мой взгляд скользнул вверх, чтобы встретиться с пылающим взглядом голубых глаз, я увидела, что его мокрое лицо искажено мучительной гримасой, словно весь тестостерон в мире течет по его жилам, притягивая и заставляя меня желать его с такой силой, что, кажется, я умру, если не отдамся ему. Эта всепоглощающая, опаляющая душу, разрывающая сердце, болезненная потребность в нем была гораздо сильнее, чем просто физическая, больше, чем эмоциональная.

Мышцы промежности сжались так сильно, что мне пришлось приложить невероятные усилия, чтобы не закричать. Его близость обостряла все мои чувства. Почему-то мне пришло на ум, что его любимая шелковая именная накидка точно такого же цвета, как капля крови, выступившая сейчас на губе, – ярко-алая, насыщенная кислородом. Я отметила, как ровно и горячо его дыхание, овевающее мое мокрое лицо. Я чувствовала каждый палец, впившийся в мои ягодицы, и то, как медленно скользит большой палец другой его руки по моей щеке и подбородку. Боже, что он делает со мной? Я же сейчас рассыплюсь на части.

– Перестань причинять себе боль, – в отчаянии проговорила я, пытаясь вырваться из его объятий только для того, чтобы, отшатнувшись, удариться спиной о холодный мрамор стены позади меня.

– Это не больно, – прохрипел он, а затем снова притянул меня ближе к себе и уткнулся носом мне в ухо. – А вот ты... ты плачешь в моих объятиях. Потому что я, сука, причинил тебе боль. Вот это по-настоящему больно. Ты больше не прикасаешься ко мне. Не смотришь на меня счастливыми глазками. Вот где боль. Мне больно, как последнему ублюдку, и не от ударов и ран, не снаружи. Там ничто не болит так, как внутри, вот здесь ты заставляешь болеть.

Изо всех сил стараясь сдержать вихрь эмоций, вызванных его словами, я опустила взгляд и яростно потрясла головой, смаргивая влагу с глаз.

– И здесь мне тоже больно. – Он взял мою руку и направил к своему твердому как камень пенису. – Мне всю ночь было больно смотреть, как тырываешься на части из-за меня. Сегодня утром. И в спортзале тоже. – Он притянул меня к себе, и я тихо застонала, прижимаясь лбом к его груди и изо всех сил стараясь не рассыпаться на куски снова.

Он сжалился надо мной и отпустил меня, но мои пальцы и ладони горели, и я не знала, куда девать руки. От его близости у меня кружилась голова. Мне хотелось гладить и ласкать

каждый дюйм его тела, хотелось стереть прикосновение других рук, которые когда-либо касались его. Я хотела... даже не знаю, чего я хотела в этот момент.

На самом деле я не могла думать ни о чем, кроме нарастающей, болезненной пульсации внутри моего тела. Он схватил мыло и начал намыливать все мое обнаженное тело. Осторожно, бережно, как будто в первый раз, и, сосредоточенно наблюдая за своими руками, он скользил мылом между моих ног, обводил скользкими пальцами мои груди, нажимая подушечками больших пальцев на соски.

– Тебе понравился бой? – спросил он своим тихим, глубоким голосом, в то время как его сильные руки плавно скользили вниз по внешней стороне моих бедер, вверх по внутренней стороне и далее по промежности. Затем он обхватил ладонями мои ягодицы, намыливая и массируя их и между ними.

Удовольствие от его уверенных и таких знакомых прикосновений было настолько полным, что я едва сдерживала стон, наблюдая, как он моет меня.

Один глаз у него немного припух, а рана над бровью все еще выглядела ярко-красной. Его полная нижняя губа продолжала кровоточить посередине. Однако его раны для него вовсе ничего не значили. Он жаждал моего внимания и сделал бы все, чтобы завладеть им, пусть мне и хотелось ударить его за то, что он вел себя так безрассудно, желание поцеловать каждый его синяк, каждую ранку было сильнее всего.

Ремингтона всю жизнь все бросали. Родители. Учителя. Друзья. Даже я. Никто никогда не оставался с ним достаточно долго, чтобы показать ему, что он этого заслуживает. Он подверг себя риску лишь для того, чтобы заставить меня прикоснуться к нему и дать ему немного любви, – это заставляло меня пылать от желания утопить его в этой любви, даже если он никогда, никогда не попросит об этом.

– Я отказываюсь, – горячо прошептала я, – сидеть и смотреть, как ты намеренно позволяешь себя избивать.

– А я не позволю тебе отталкивать меня, – с тем же пылом ответил он, наполняя свою большую мыльную ладонь тяжестью моей груди.

Нахмурившись, я покачала головой и тут же, ойкнув, зажмурилась, когда он направил лейку душа на мое лицо. Струи воды смывали шампунь, а он помогал пене стечь, оглаживая ладонями мои волосы и все тело. Я едва могла держать себя в руках.

Стараясь не потерять самообладание, я схватила мыло, взбила пену и провела ладонями по скользкой коже груди, слегка проминая пальцами его мышцы. Он вздрогнул от моего неожиданного прикосновения, я подняла на него глаза, ноги у меня почти подкашивались. Все внутри меня сжалось, когда я смотрела в эти голодные голубые глаза. Я провела пальцами вверх по его мощной руке, затем вниз по груди и по всем восьми кубикам накачанного пресса.

– Это то, чего ты хотел? Тогда, на ринге, безрассудно позволяя себя избивать? – спросила я. Мой голос, хриплый от волнения, был едва слышен среди журчания воды.

Он нежно обхватил мое лицо одной рукой и уверенно и страстно, выделяя каждое слово, произнес:

– Я хочу тебя. Я хочу, чтобы ты прикасалась ко мне, чтобы прижималась своими губами к моим – как раньше. Я хочу, чтобы ты любила меня. Прекрати, наконец, наказывать меня, Брук. Я люблю тебя.

Он накрыл мои губы быстрым, грубым поцелуем, словно попробовал на вкус, и тут же отстранился, тяжело дыша и прожигая меня взглядом. Чуть сильнее сжав рукой мое лицо, он продолжил:

– Неужели моя девочка позволит такой ерунде сломить ее? Не верю. Она сильнее этого. Я знаю это очень хорошо, и мне это очень нужно. Мне нужно, чтобы она боролась за меня и чтобы она боролась вместе со мной. Признаюсь, такого в моей жизни никогда не случилось.

Только ты случилась, Брук. И ты все еще здесь, несмотря ни на что, ведь так, моя маленькая зажигалка?

Наши взгляды встретились, и я не знаю, какой из них был голоднее или отчаяннее. Глазами он прожигал меня насквозь, казалось, он умирает от жажды, и только я могу вернуть его к жизни. Моя грудь начала бурно вздыматься, сердце пустилось вскачь, и прежде чем я осознала, что делаю, мои пальцы запутались в его мокрых волосах, я притянула его голову к себе, а он прижал меня спиной к мраморной стене и накрыл мой рот жадным поцелуем.

Я задыхалась, впитывая его вкус и запах, он раздвинул мои губы языком, продолжая удерживать меня за подбородок, заставляя меня стонать и впиваться в его кожу пальцами, когда наши языки сплетались. Его язык был груб и требователен. С низким, довольным рыком он поднял меня в воздух, чтобы наши рты были напротив дуг друга. Его близость, прикосновение наших тел возбуждали меня, доводя до исступления. Моя кожа горела там, где мы соприкасались. Наша потребность друг в друге росла с каждой секундой. Я чувствовала, что узы, которые связали нас, не разорвать никому и никогда.

Он выключил воду и, закутав меня в полотенце, понес в спальню, а я все продолжала прижиматься к нему, обхватив за шею, сосала его язык, покусывала губы, кровь моя кипела, бурно струясь по венам, подобно горной реке.

Он опустил меня на одеяло, вытер полотенцем, растирая и массируя все мое тело, а потом наклонил ко мне голову и прошептал на ухо:

– Дай мне немного обсохнуть.

Я протестующе застонала, глядя ему вслед. Мне было так жарко и в то же время так мокро и холодно, что у меня стучали зубы, когда я смотрела, как двигаются его мускулистые ягодицы – настолько сексуальные, насколько вообще могут быть сексуальны мужские ягодицы. Несмотря на то, что каждый дюйм моего тела возбужденно пульсировал и горел, я дрожащей рукой плотнее закуталась в полотенце, не сводя глаз с двери ванной.

О боже, мне ведь тоже чертовски больно!

Когда он, наконец, вернулся, ручейки воды все еще стекали с его волос, по мощной шее, по широкой груди и вниз к полотенцу, обернутому вокруг узких бедер. У меня перехватило дыхание. Я молча смотрела, как он натягивает полотенце на голову, ероша и вытирая темные волосы, его голубые глаза жадно блестели, когда он окинул алчущим взглядом меня, лежащую на кровати в той же позе, как он оставил. Внезапно вся моя любовь и болезненная ревность, которые мучили меня последнее время, захлестнули меня, накрывая с головой.

Он подошел, не отрывая от меня взгляда, и я распахнула полотенце, в которое до сих пор куталась, его лицо застыло, а глаза вспыхнули, когда он окинул взглядом мое полностью обнаженное тело.

Одним движением он откинул полотенце с бедер, и я задохнулась, не в силах дышать при виде его мощной эрекции, упруго покачивающейся, когда он наклонился надо мной, чтобы осторожно подсушить мои мокрые волосы другим полотенцем.

– Сначала я натру тебя массажным маслом, – предупредила я его задыхающимся шепотом.

С дьявольской улыбкой он отшвырнул полотенце, схватил масло арники, за которым я было потянулась, и бросил его на ковер; а потом откинул мои мокрые волосы с лица на спину, с потяжелевшим взглядом обхватил ладонью мой затылок и приблизил свои губы к моим.

– Лучше лизни мой язык своим. – Он накрыл мой рот поцелуем и смешал свое дыхание с моим. Восхитительная дрожь охватила меня, когда его губы раздвинули мои и наши языки сплелись.

– Твоя губа, осторожнее, – тихо выдохнула я.

Он игриво ущипнул меня и снова припал к моему рту, действуя немного напористей и сводя меня с ума.

– Твоя губа, – вновь простонала я, извиваясь под ним.

Он чуть отстранился и принялся мучительно медленно ласкать внутреннюю поверхность моих бедер, вызывая в коже ощущения, подобные бурлящим пузырькам шампанского.

– Ремингтон, твоя губа, – вновь запротестовала я, обнаружив, что ссадина опять начала кровоточить, и протянула руку, чтобы поймать каплю крови пальцем.

– Ш-ш-ш! – Он облизнул мой палец и втянул его в рот; затем отпустил его и посмотрел на меня неистово нежным взглядом, а в это время его рука скользила по задней части моих бедер, вверх, к ягодицам.

Я бурно и часто дышала, стараясь не застонать от его ласк, но, когда его ладони собственническим жестом обхватили мою задницу, я не выдержала и всхлипнула.

– Тебя это так возбуждает? – спросил он.

– Да.

Он вновь заскользил руками по моим ногам – вниз, к коленям, потом по икрам, затем медленно начал подниматься вверх, пока я не растворилась полностью в этих волшебных ощущениях.

– А так? – нежно спросил он, целуя меня в живот.

– Мне нужно полечить твою губу, – выдохнула я. Тысячи жарких сухих языков пламени лизали мое тело, когда я резко вывернулась из-под него и, дотянувшись-таки до своей мази, дрожащими руками ухитрилась приложить немного к ране на губе.

Он мягко обхватил губами кончик моего пальца, и меня пронзила стрела удовольствия. Я закрыла глаза.

– Реми, – прошептала я, тая от нежности.

– Ложись обратно, – командовал он. У меня кружилась голова от предвкушения, и я послушно откинулась на кровати.

– Не целуй меня больше, Ремингтон, – предупредила я.

Он хрипло прошептал в ответ:

– Приведешь меня в порядок чуть позже.

Дрожь пробежала по моему телу, когда он начал ласкать мое лоно, большим пальцем раскрывая губы, и одновременно, склонившись надо мной, лизал языком твердую бусинку соска.

Я слегка приподнялась, мурлыча от удовольствия, и он, тихо смеясь, принялся играть кончиком языка с другим соском, а затем вобрал его целиком в рот, горячий и влажный. Его большие руки скользили по всему моему телу.

– Боже, Брук, – прорычал он, – ты скрутила меня и теперьрываешь на части. Возьми меня всего.

– Хорошо, – выдохнула я нетерпеливо. Он широко раздвинул мне ноги и накрыл своим жарким телом. Его горячее дыхание смешалось с моим, и я, распростертая на кровати, чувствовала, как распадаюсь на миллионы частичек. Мы оба были взвинчены, возбуждены до предела. Он был нужен мне как воздух. Мне было необходимо ощущать все это – то, как соприкасаются наши тела, как его шершавые ладони царапают мою кожу, как мои руки скользят по его гладкой груди. Я царапала его спину ногтями, когда он зарылся лицом в мою шею, как будто не зная, что ему делать – целовать, кусать или лизать, поэтому делал все сразу.

– Кому ты принадлежишь? – хрипло, требовательно спросил он.

– Тебе, – выдохнула я.

Повинуясь его рукам, я обхватила ногами его бедра. Он завел мне руки за голову и навис надо мной, пожирая мое лицо темным, мучительным, ненасытным взглядом.

Он сплел свои пальцы с моими и припал жадным поцелуем к моему рту. Эта близость, переплетение наших ног и рук, наших языков, нашего дыхания возбудили все центры удовольствия в моем мозгу и все брачные инстинкты внутри меня. Жидкий огонь струился по моим венам. Я стонала, и он стонал в ответ, мое тело горело, и я чувствовала покалывание миллио-

нами иголочек от каждого его движения, от каждой ласки. Его твердая грудь прижалась к моим соскам. Его массивные, мощные мышцы ног почти раздавили мои бедра. Он был полностью готов войти в меня, наполнить собой.

Каждая клеточка моего тела знала, что это мой мужчина, и была готова принять его. Только его одного. Он выпустил мои руки и обхватил ладонями ягодицы, усиливая поцелуй. Я чувствовала его пальцы – твердые, требовательные, когда он чуть передвинул меня к себе ближе, я выгнулась ему навстречу и откинула голову назад, так что его язык достигал каждого уголка моего рта.

– Да, – выдохнула-простонала я.

Он чуть отодвинулся, и наши взгляды встретились в полумраке. От желания, которое я увидела в его глазах, у меня перехватило дыхание. Мой Реми был самым мужественным, самым завораживающим мужчиной из всех, кого я знала. Он снова наклонился, чтобы прижаться своими горячими губами к моим. Стало так жарко, я буквально задыхалась, когда его пальцы заскользили между моих ног. Он изогнул шею, чтобы поиграть языком с мочкой моего уха, а я лизнула его влажную, чуть солоноватую кожу на щеке.

– Как же это восхитительно! – Его пальцы скользили то быстрее, то медленнее, и обжигающая волна удовольствия прокатилась по всему моему телу, казалось, кровь сейчас закипит в моих жилах, я таяла от желания и наслаждения.

Он прошептал мое имя тем хрипловатым голосом, который сводил меня с ума, и опустился ниже, целуя и лаская губами и языком мою грудь, облизывая соски. Сегодня они отчего-то были особенно чувствительными, посылая волны удовольствия по всему моему телу. Я едва не задохнулась и куснула его за мочку уха, шепча его имя снова и снова.

– Реми... Реми...

– Давай, детка, кончи для меня, – попросил он, погружая в меня свой длинный палец. Я вскинулась, схватила его за плечи, и мои стоны удовольствия эхом разнеслись по комнате.

– Тс-с, детка, расслабься, – прошептал он.

Он скользнул вниз по моему телу, оставляя дорожку из поцелуев от груди до пупка, и еще ниже... И когда он раскрыл большими пальцами мои складочки и принялся лизать мой чувствительный бугорок, я не выдержала и закричала. Невыносимое удовольствие пронзило меня, я выгнулась ему навстречу в безумной потребности освобождения. И почти тут же кончила.

Я задыхалась и стонала, все еще дрожа в затухающих волнах удовольствия, когда он поднялся надо мной, встав на колени между моих ног, взял в руку свой член и направил его в меня. Сквозь ресницы я видела, как напряжено его тело, как двигаются его мышцы, и невольно всхлипнула, когда он прижал мой клитор большим пальцем и начал двигаться во мне.

– Черт, какая же ты тугая, детка, ты просто сводишь меня с ума, – пробормотал он, наклоняясь ниже, чтобы покрыть поцелуями мое лицо.

Он очередной раз погрузился в меня до предела, и мы остановились.

В повисшей тишине я слышала наше дыхание и бешеный стук своего сердца. Невыносимое желание никуда не делось, оно пульсировало и трепетало в наших телах.

Но мы пытались продлить это мгновение. Он внутри меня. Он мой. И я, черт возьми, никуда не хотела его отпускать.

А он не хотел покидать меня, он внутри меня, весь такой твердый, пульсирующий, и я принадлежала ему полностью.

Мы снова принялись целоваться как безумные, он погрузился чуть глубже, его жадные поцелуи были первобытно грубы и безжалостны, но я чувствовала в них не только ненасытность, но и любовь. Я чувствовала, как он наполнял меня всю, так знакомо и так по-новому, и, всхлипывая, кусала его за плечи, пытаясь приноровиться и требуя продолжения. Но он замер, видимо, сам ожидая, когда начну двигаться я.

Я тяжело дышала, мои глаза невольно закрылись, я наслаждалась этим мужчиной, всем его телом – на мне и внутри меня. Я обожала его соски, его гладкую бронзовую кожу... Я провела кончиками пальцев по темным бугоркам и услышала, как он вздыхает от удовольствия, когда я потянулась вверх, чтобы нежно пососать один из них. Мне нравилось, как он урчит, словно довольный лев. Он обхватил мою голову ладонью и наклонил назад, нежно целуя меня, но я вырвалась, подалась вперед и нежно лизнула языком другой сосок.

– Реми... пожалуйста, – взмолилась я. – Я не могу больше ждать.

Он зарычал и снова начал двигаться, шепча мое имя и путаясь пальцами в моих волосах.

– Такая тугая... моя маленькая... моя Брук.

Его слова ласкали меня, наполняя нежностью.

Никто не учил его любить. Он делал это так, как подсказывал ему инстинкт.

Притянув меня ближе, он лизал, сосал, покусывал меня всюду, где мог дотянуться, растягивая удовольствие, пока я вся не начала гореть. Все внутри меня сжалось. Я задыхалась и могла слышать только наши совместные звуки любви, которые сводили меня с ума.

Его движения ускорились. Он уже завел меня до предела, и я закричала в голос. Он оттянул пальцами мои волосы, целуя и кусая меня, пока наши бедра двигались быстро и яростно, уже почти без всякого ритма.

Я кончила во второй раз, и он, наполнив меня, теперь просто крепко держал, сам оставаясь совершенно неподвижным. Через мгновение я почувствовала, как изливается в меня его горячая сперма и он, довольно порывкая, целует меня в ухо. Наконец мы оба расслабились и еще несколько мгновений лежали, прислушиваясь к успокаивающемуся дыханию.

Затем он снова обнял меня и, прижав к своей груди, перекатился на спину, так что теперь я лежала, распластавшись по нему всем своим обнаженным, скользким от пота телом. Кожа у нас обоих блестела, как после часовой тренировки в полную силу. Мы наслаждались наготой друг друга. Он расслабился, когда я начала расслабляться, затем он ощупал мою промежность и протолкнул свою сперму обратно внутрь, чем очень удивил меня.

Наши инстинкты внезапно снова взяли верх. Мои бедра дрожали под его пальцами. Тепло его дыхания омывало мне шею, когда он прижался губами к моей коже. Я слышала, как бы со стороны, звуки, которые мы издавали – мои всхлипы и его рычание, выражающее мужское удовлетворение от того, что он ублажает свою женщину. Булькающие звуки вырывались из горла, когда меня начала бить дрожь.

Он не трогал больше мой клитор и никак не возбуждал меня намеренно, но то, как он гладил руками мое тело, как не желал покидать его, как облизывал мою кожу медленными движениями своего языка, заставило мои мышцы сжаться вокруг него, а мои соски стать настолько болезненно чувствительными, что я ощущала малейшее движение воздуха.

Когда он столкнул меня на матрас животом вниз и куснул сзади за шею, я невольно закричала: «О боже, Реми!», а он продолжал покусывать меня, намекая на то, что готов продолжить наш раунд, но уже войдя в меня сзади.

К тому времени, как мы рухнули в изнеможении на кровать, я едва могла пошевелить пальцем. Я лежала под ним без сил, чувствуя, что даже кости мои растворились, и пыталась заставить сокращаться хотя бы дыхательные мышцы.

Скользкий от пота, он снова перекатился на спину и одной рукой притянул меня к себе. Я поуютнее пристроилась на нем и провела рукой по его крепкой челюсти. Мою грудь переполняли любовь и нежность, а мое тело – удовлетворение от хорошего траха, так что я чувствовала себя одновременно полумертвой от усталости и невероятно живой и сияющей, как солнце.

– Здесь у тебя болит? – Я слегка потеряла ссадины и небольшую фиолетовую гематому на его виске. Прежде чем он успел ответить, я легко подула и, едва касаясь губами, поцеловала их все, и мне вдруг стало любопытно, а «лечили» ли его так когда-нибудь. Я почти не сомневалась,

что ответ будет отрицательным, поэтому я продолжила свои «целебные» поцелуи и коснулась каждой ссадины, а затем подула на ту, что только-только затянулась у него на губе.

Я расслабленно улыбнулась ему, легко скользя пальцами по его подбородку и скулам.

– Ты представлял меня еще до того, как я стала твоей? Вообще, задумывался о том, что я где-то существую? И какая я?

Он заправил мне за ухо прядь волос и некоторое время рассматривал мое лицо.

– Нет. Никогда.

– Я не думала, что когда-нибудь влюблюсь так сильно. А ты?

– Никогда, – повторил он, и на его щеках появились те самые сексуальные ямочки, по которым я сходила с ума. Последнее время я редко их видела.

Я начала перебирать пальцами его волосы.

– О чем ты думал, когда рос там?

– Я просто брал то, что возможно, и был вполне этим доволен. – Он погладил мне мочку уха. – Но если бы я знал, что на свете существуешь ты, я бы охотился за тобой, поймал и сделал бы своей.

– Так ты, собственно, и поступил, разве нет? – улыбаясь, сказала я.

– Вот именно, – он потерся носом о мой нос, его голубые глаза смеялись, – что я и сделал.

Вздыхнув, я положила голову ему на плечо и провела кончиками пальцев по его соскам.

Он – моя лучшая кровать. Он лежал на спине, одна рука под подушкой, другая скользила по моему позвоночнику, и я раскинулась на нем, прижавшись животом к его прессу, грудью – к его грудным мышцам, голова покоилась на его плече. Каждый раз от него пахло другим мылом, ведь мы постоянно меняли отели, и в то же время это всегда был его собственный – такой родной теперь для меня запах.

Очень осторожно я провела пальцами по его бицепсу, слегка массируя его.

– Тебе сейчас лучше? – Я надавила на его мышцу чуть сильнее и обнаружила, что дело совсем плохо. Черт бы его побрал!

Но он лишь небрежно кивнул, как будто это ничего не значило, и перекатил меня на бок. Едва он начал меня тискать, у меня снова все заныло внутри от предвкушения. Он притянул меня ближе, пристраивая вплотную к себе, я тихо застонала, потому что поняла, что он собирается сделать. Его большое горячее твердое тело позади меня вместило все мои изгибы. Он зачесал мне волосы назад и начал ласкать меня, поглаживая своей тяжелой рукой все мои выпуклости.

Он целовал и гладил меня, водя рукой вверх и вниз по моему телу, скользил языком по задней части моего уха, по затылку, плечам, лаская и пробуя меня на вкус.

Реми вполне благополучно жил без любви, в том числе и родительской любви. Он преуспел, несмотря даже на то, что ему каждый день приходилось бороться со своим аффективным расстройством. Он поднимался всякий раз, когда падал, и только становился от этого крепче. Те два раза, когда падала я – на моих олимпийских отборочных соревнованиях и в прошлом году, когда он намеренно проиграл свой последний бой, – я еще долго хромала, как в прямом, так и в переносном смысле. А он всегда мгновенно вскакивал, готовый сразу бежать.

Он был настолько сложным и непредсказуемым, что я невольно думала, что даже когда я отдам всю себя этому человеку, он никогда не будет по-настоящему моим.

– Я голоден, – шепнул он мне на ухо, затем встал с кровати и натянул свои пижамные штаны на завязках, а затем ухватил меня за лодыжки и потянул с кровати.

– О нет, я хочу спать, – простонала я и схватилась за подушку.

– Ну пойдем, поедим со мной, моя маленькая зажигалка.

– Не-е-ет, – в последней попытке остаться в постели я прижала подушку к себе и начала брыкаться. – Я же так растолстею из-за тебя! – со смехом пищала я.

С низким, сексуальным смешком он подхватил меня на руки, как будто я весила не больше той подушки, затем отбросил подушку в сторону и поцеловал меня.

– Ты прекрасна.

– Любая красивая женщина должна спать, чтобы оставаться прекрасной, – слабо запротестовала я, утыкаясь носом в его шею.

Он поставил меня на пол, достал из чемодана одну из своих футболок и протянул мне. Я послушно влезла в нее, и он, вновь подхватив на руки, отнес меня в гостиную, опустил на стул и отправился за едой. Вернулся он к столу с двумя тарелками, на одной была навалена гора еды, на другой относительно нормальная, человеческая порция. Потом он сел напротив меня и многозначительно похлопал себя по коленям.

Но я с независимым видом откинулась на спинку стула и, ухватив с тарелки спаржу, откусила кончик стебля и начала жевать.

– Наша с тобой манера поведения за столом никуда не годится. Если ты отведешь меня в ресторан, я же не смогу есть, сидя у тебя на коленях, как какая-то канарейка. Люди подумают, что у нас проблемы.

Он сунул в рот кусочек зажаренного соцветия цветной капусты и с хрустом прожевал.

– И кого это волнует?

– Прекрасный аргумент!

Доев до конца стебель спаржи, я наблюдала за ним, сидящим напротив меня: с этими татуировками, браслетами, обхватывающими его бицепсы, с восхитительным беспорядком в волосах и мерцающими голубыми глазами он выглядел, как какой-нибудь языческий бог. Он – все, что я хочу иметь в этом мире, – сидел прямо передо мной, вот на этом стуле.

– И здесь на самом деле не так удобно, как на твоих коленях, должна признаться. – Я выразительно поерзала на жестком сиденье. Он приподнял бровь, в его глазах зажегся дьявольский огонек.

– Перестань изображать из себя недотрогу, Брук. Я уже получил тебя. – Он бросил меня скомканную бумажную салфетку. Я схватила другую, сжала в комок и бросила в ответ. Тогда он отложил вилку, протянул свою длинную руку, чтобы ухватиться за край моего стула, и протащил его по полу к себе. Я лишь взвизгнула, когда он обхватил меня за талию и пересадил к себе на колени.

– А теперь просто успокойся. Мы ведь оба хотим, чтобы ты была здесь, правда? – Он обхватил ладонью мое лицо и повернул к себе, его губы расползлись в ласковой улыбке, пока он пристально изучал мои черты. – Теперь все в порядке?

Я обхватила руками его шею и сцепила пальцы на затылке, стараясь не встречаться с ним взглядом.

– В основном я просто злюсь на себя. Мне обидно, и... я ревную. Разумом я понимаю, что в этом нет никакого смысла, но остальная часть меня не желает все это слушать. Я просто не ожидала, что мне будет так трудно справиться с этим.

– Ты прекрасно со всем справишься, ведь ты же знаешь, как я люблю тебя, вот и справишься. А я чертовски тебя люблю, – прошептал он.

Мое сердце сладко сжалось от его слов. Я взяла кусочек цветной капусты двумя пальцами в знак примирения и поднесла к его губам.

Сверкнув глазами, он взял в рот мое подношение вместе с пальцами и облизал их. Продолжая наслаждаться вкусом моих пальцев, он, следуя примеру, тоже взял кусочек цветной капусты и скормил его мне. Ощувив во рту бесподобный аромат пряных трав и оливкового масла, я, как и он, облизала кормящие меня пальцы и с удовольствием увидела, как вспыхнули при этом его глаза.

– Я тоже люблю тебя, но никогда больше не позволяй им бить себя, как сегодня вечером, – произнесла я чуть хриплым, взволнованным голосом, проводя влажными пальцами по его губам и чувствуя, как они двигаются, когда он тихо отвечал:

– Не буду... пока ты не вынудишь меня.

Глава 5. Подарок

Сквозь шторы на окнах пробивался солнечный свет. Ремингтона уже не было в постели. Я повернулась, чтобы оглядеть наш уютный коттедж, но Реми нигде не было видно. С трудом заставив себя выбраться из кровати, я натянула спортивные брюки, лифчик и топ.

Умывшись, я схватила кроссовки и босиком прошла на кухню, где обнаружила Диану.

– Доброе утро, Брук, – весело произнесла она. Мне нравится смотреть, как она хлопочет на кухне в своем фартуке, создавая уютную атмосферу.

Она даже всегда возит с собой свои зеленые керамические сковородки – они гораздо лучше, чем алюминиевые, и поэтому можно быть уверенным, что в еду, которую она готовит для Ремингтона, не попадают вредные вещества.

– М-м-м... Какой божественный запах, – сказала я, ища, что бы съесть на завтрак.

– Присаживайся. Наш большой парень просил меня оставить для тебя много вкусностей.

Я взяла миску сладкого картофеля с мясом и принялась его уплетать за обе щеки.

– В какое время он ушел?

– Пару минут назад явился Пит и забрал его.

– Пит? Не Райли? И в какой зал они пошли? – Тут в дверь постучали. Я быстро слизала кокосовое масло, на котором Диана обычно готовит мясо с картофелем, и поспешила открыть дверь.

– Брук Думас?

На пороге стояла женщина со среднего размера коробкой, обернутой в красную бумагу без ленточки.

– Да, это я.

Женщина широко улыбнулась.

– Мистер Тейт заказал это для вас. – Она передала мне в руки большую коробку. Я стояла, уставившись на нее в полном изумлении.

– Это послал мне Ремингтон? – с глупым видом переспросила я.

– Да, мисс. Наслаждайтесь.

Я закрыла дверь за ней ногой, так как руки были заняты таинственной коробкой, которую Ремингтон послал мне.

Боже правый! Он такой непредсказуемый. Он покоряет меня музыкой, своими неотразимыми голубыми глазами, вечно встрепанными волосами, ямочками на щеках, а теперь еще и делает мне неожиданные подарки?

Я немедленно разорвала бумагу и открыла крышку коробки. Она была сверху заполнена упаковочными гранулами. Я сунула руку в них и почувствовала какое-то шевеление. Что-то поползло по моим пальцам. Нахмурившись, я выдернула из коробки руку и, к своему ужасу, увидела, что к ней прицепились три огромных скорпиона.

Все дальнейшие события развивались, как при замедленной съемке.

Я с ужасом смотрела, как отвратительные существа с их длинными гибкими хвостами с иглами на конце ползут по моей руке вверх. Спереди у них были устрашающие клешни и восемь конечностей, которыми они быстро перебирали, устремляясь вверх. Я в полном оцепенении насчитала три черные точки у них на головах – было такое впечатление, что у них три глаза. А может, так и есть?

Все это произошло за секунду.

А уже в следующее мгновение я заметила кое-что еще. И это было одно из самых ужасных мгновений моей жизни.

Я упала на пол, пытаюсь стряхнуть с себя этих существ, и ногой отбросила коробку, из которой посыпались еще с десятков скорпионов. Сердце чуть не выскочило у меня из груди, я задыхалась от невыносимого ужаса, вся во власти нарастающей истерики.

– Твою мать! Твою мать, Диана!

Проклятые твари продолжали ползти по моей руке, и это было невыразимо страшно.

Скорпионы были огромными, примерно с половину моей ладони, у них было по восемь ног. Я не могла поверить своим глазам – всего восемь конечностей? Я ощущала на своей коже тысячи мерзких лап. Мне казалось, что они разбежались по всему телу и щекочут каждый его дюйм. Я принялась кататься по полу, содрогаясь в конвульсиях и отчаянно крича, и вдруг почувствовала в районе предплечья первый укус.

– Боже, Диана, помоги!

Тут я почувствовала, что по лодыжке ползет еще один. Диана подбежала ко мне и теперь тоже истерически вопила:

– Брук! О боже! Кто-нибудь, на помощь!

– Сними их с меня, Диана! Ради бога, сними!

Я кричала, как безумная, вероятно, в надежде, что криком смогу распугать отвратительных насекомых. Я просто не могла себя заставить стряхнуть их рукой, поэтому извивалась на полу, как вдруг на меня обрушилось ведро холодной воды. У меня перехватило дыхание. Я в изумлении наблюдала, как Диана бросилась в кухню, чтобы набрать еще воды, и вылила ее на меня. Но скорпионы и не думали отцепляться.

Я все же попыталась сбросить одного из них рукой, но он в мгновение ока выстрелил хвостом и ужалил в большой палец. Меня пронзила острая боль, а остальные твари продолжали ползти по руке. Это было очень страшно. Я поверить не могла, что подобное происходит со мной. Может быть, их как-то обработали, морили голодом или напичкали чем-то, чтобы они так агрессивно себя вели. Они быстро и активно передвигались по моему телу, как пауки. Вот еще один махнул хвостом и вонзил ядовитую иглу в кожу предплечья. А потом укусил второй раз. Боль была просто невыносимая. Следующий проделал то же самое, и я была вынуждена прекратить извиваться и замерла на месте. Реакция «бей или беги» давала о себе знать. Но в таком положении я не могла ни бежать, ни сражаться, и мое тело парализовало от ужаса, хотя внутри все кричало о страшной опасности. Осознав весь ужас ситуации, я принялась беспомощно плакать.

Я лежала на полу, рыдая, и старалась не шевелиться, а проклятые твари с их цепкими конечностями все ползали по моему телу, и тут услышала, как Диана громко кричит в телефон:

– Скорее сюда! Поторопись, пожалуйста. – Она повторяла это снова и снова, а потом распахнула дверь, высунулась в коридор и закричала:

– Ремингтон!

Все остальное происходило как в тумане. Через пару минут дверь с грохотом распахнулась. Сквозь слезы я увидела его. Могу себе представить, какое зрелище предстало тогда перед его глазами. Я валяюсь на полу, по мне ползают скорпионы, а я застыла в полном ужасе и плачу навзрыд, как ребенок. Зрение мое было затуманено, но не от слез, а, видимо, от скорпионьего яда. Я пребывала в полном шоке. Наконец, я почувствовала, как чьи-то руки одного за другим отрывают от моего тела скорпионов, но все равно продолжала рыдать.

Большие, надежные руки подхватили меня и подняли с пола, но тело мое ощущалось как чужое. Неужели это я разваливаюсь на кусочки, думала я, вся сотрясаясь в агонии боли.

Я обняла его за шею, стараясь забраться повыше и не переставая рыдать, пытаюсь втянуть в себя его запах, потому что только так могла научиться дышать снова. Он тоже прерывисто дышал, и я чувствовала, что его руки, сжатые в кулаки, трясутся. Потом он принялся энергично растирать мое тело. Коснувшись ладонью лица, он вытер мне слезы. Было видно, что его душит ярость.

– Не бойся, я с тобой, – горячо прошипел он мне в ухо, крепко сжимая меня в объятиях. – Я с тобой.

– Какая-то женщина пришла и постучала в дверь, – срывающимся от слез голосом объясняла Диана. – Сказала, что это прислал Реми для Брук.

– Боже правый! – с отвращением произнес Пит. – Давай не будем выбрасывать их всех, Диана. Нужно проверить, что это за вид. Следует вызвать парамедиков, чтобы оказали Брук помощь. А сейчас я на них поохочусь. Дай-ка мне сковородку.

– Я убью эту сволочь, – произнес над моим ухом Ремингтон твердым, как гранит, голосом. – Богом клянусь, он у меня умрет мучительной смертью.

– Ну уж нет. Лучше сделай это на ринге, Рем. Ведь сорвать тебе чемпионат – именно то, чего хочет этот негодяй, – сказал Пит, со смачным звуком прихлопывая скорпиона.

– Куда они тебя ужалили? Покажи, куда, и я высосу яд.

Я все еще с трудом дышала, горло у меня перехватило.

– Мне кажется, все тело искувано.

– Вот только не надо этого делать, – заметил Пит. – Дай-ка я лучше осмотрю ее сначала.

Я прижалась к Ремингтону, а он еще крепче обхватил меня руками и начал медленно раскачивать, словно убаюкивая. Я чувствовала, как его тело трясется от ярости.

– Я с тобой, моя маленькая зажигалка, я держу тебя, – шептал он, и я слышала неприкрытую ярость в его голосе.

– Рем, позволь мне осмотреть ее, – упрашивал Пит.

– Нет, – простонала я, уцепившись за Реми еще сильнее, мне казалось, что я вот-вот умру, а умереть мне хотелось лишь в его объятиях. Боже, неужели мне действительно суждено закончить жизнь вот так, думала я. Но кто же тогда будет о нем заботиться? – Не отпускай меня, не отпускай, – умоляла я.

– Я никогда тебя не отпущу, – пообещал он, прошептав эти слова мне в ухо.

– Я тут проверил в Интернете, оказывается, это арizonские древесные скорпионы. Они, конечно, ядовитые, но их яд не смертелен.

– Держись за меня, – произнес Реми, а потом у меня перед глазами все поплыло. Казалось, язык распух, рот заполнился слюной. Я не могла дышать и дрожала всем телом, когда он поднял меня еще выше. Меня словно било током изнутри, и это было невыносимо больно.

– Куда это ты с ней собрался, Тейт?

– В больницу, разумеется, придурок, – буквально прорычал в ответ Ремингтон, что странным образом меня почти успокоило, хотя я и продолжала пребывать в измененном состоянии сознания.

Я услышала, как дверь стукнулась о стенку, когда он мощным ударом распахнул ее, а потом затрещала, словно сорвавшись с петель. Я почувствовала, что мы куда-то движемся. Реми часто и тяжело дышал.

– Дружище, Диана уже вызвала «Скорую помощь», – крикнул Пит за нашей спиной. – Лучше их подождать. Пусть сначала дадут ей успокоительное и бенадрил от аллергии.

– Вот сам их и принимай, Пит.

Мы куда-то быстро шли, и по голосу Реми я слышала, что он на грани срыва. Мысль о том, что это происшествие может плохо повлиять на него и ввести в маниакальное состояние, вызвала у меня панику.

– Со мной все в порядке, – промямлила я, но, услышав собственный голос, поняла, что это звучит глупо. Может, клетки головного мозга отмирают от этого яда? Кажется, я даже не могла говорить членораздельно. – Сё поядке, – попыталась произнести снова я. Вот черт!

Ремингтон застыл на мгновение. Я чувствовала, что он на меня смотрит, но зрение было затуманено. А потом услышала, как он произнес:

– Твою мать!

Прибыл лифт. Когда его двери раздвинулись, я услышала голос Райли.

– Что случилось? Что с ней? Тренер ждет тебя в зале, Рем... – Тут он замолк.

– Кто-то прислал живых скорпионов, – объяснил ему Пит. – Ядовитых, но, к счастью, это не смертельно.

– Я не могу дышать, – с трудом выдавила из себя я и тут поняла, что дело дрянь. Это было безумно страшно – впервые в жизни я не могла понять, что происходит с моим телом.

– Яд поразил нервные окончания, но еще не попал в кровь. Постарайся сохранять спокойствие, Брук. Эти древесные скорпионы действительно очень гадкие создания. Ты чувствуешь ноги?

Я покачала головой. Язык был словно свинцовый, а места, куда меня ужалили скорпионы, так болели, что я постоянно морщилась и прерывисто дышала.

Пит протянул ко мне руку.

– Дай я все же посмотрю.

Я почувствовала, как Реми взял мою руку и вытянул ее, шепча:

– Я убью эту тварь.

– Все с тобой будет нормально, Би, – произнес Пит. – Со мной как-то было подобное. Знаю, это ужасно, но от яда аризонских древесных скорпионов не умирают.

Я кивнула, радуясь поддержке, но тут Диана позвала нас от двери.

– Тут еще есть записка! Я перевернула коробку и нашла ее.

– И что там написано? – спросил Пит. Я услышала шелест бумаги, и он прочитал вслух.

«Ты поцеловала меня. А теперь Скорпион поцеловал тебя в ответ. Ну и как тебе нравится ощущать мой яд в себе?»

Тело Ремингтона напряглось. Я почувствовала это по тому, как он меня держал. Он оберегал меня и хотел защитить, но сейчас он был готов ринуться в драку.

Внезапно перед моими глазами всплыл образ: я стою перед этим исчадием ада и целую отвратительную татуировку в виде скорпиона, которая была и на лице моей сестры. Я невольно застонала от новой волны тошноты, прокатившейся по моему телу.

– Пит, я видел его шестерок внизу в холле. Наверно, он тоже остановился в этой гостинице.

– Возможно, эта скотина торчит там, поджидая Ремингтона.

– И он дождется! – прогремел голос Реми. – Можете считать, что он уже на том свете!

Я закрыла глаза, чувствуя, как его неукротимая энергия обволакивает меня, и поняла, что, как бы он ни старался остаться в нормальном состоянии, это вряд ли ему теперь удастся.

Он терял контроль над собой.

Он неожиданно обхватил мой затылок рукой и прошептал мне в ухо:

– Мне надо кое-что сейчас сделать. Я тебя люблю. Я безумно тебя люблю и собираюсь вернуться, чтобы все с тобой было в порядке, хорошо?

Я кивнула, несмотря на то что чувствовала себя совершенно дерьмово. Казалось, все тело било электричеством. Я закусила губу, чтобы сосредоточиться на душевной боли, которую испытывала, но физическая боль от укусов страшных существ была сильнее. Я пыталась храбриться, но при воспоминании о скорпионах, ползущих по моему телу, об этих страшных иглах и клешнях... трех черных точках на голове... Я снова содрогнулась от ужаса в его объятиях и с трудом подавила рвоту.

– Почему она дрожит, черт возьми? – спросил Ремингтон.

– Нервная система поражена. Насекомые несколько раз ее ужалили, и это очень болезненно. Пока неотложная помощь до нас добирается, давай-ка дадим ей обезболивающее.

Мы вернулись в номер, и Реми уложил меня на что-то мягкое. Судя по синей обивке, это был диван. Реми отбросил волосы с моего лица, чтобы я могла видеть его глаза.

– Я эту гниду сейчас раздавлю.

А потом он молниеносно исчез, как ураган, готовый смести все на своем пути, а мой мозг был настолько затуманен, что я даже не успела опомниться. Его голос, когда он делал это заявление, был таким спокойным и даже холодным, что мне почти удалось себя убедить, что он просто вышел мне за лекарством.

– Черт, он опять на взводе и вот-вот сорвется. Рай, иди за ним следом и останови прежде, чем он увидит Скорпиона или кого-либо из его прихлебателей. Диана! Приготовь холодные компрессы и оставайся ждать парамедиков. Нам надо догнать этого парня!

В последний раз, когда я видела Ремингтона в маниакальном состоянии, Пит вколол ему шприц с успокоительным в яремную вену, и, услышав их удаляющиеся шаги, я немедленно вскрикнула:

– Пит, только не смей ему ничего колоть в шею.

А потом я со стоном уронила голову, и меня вырвало прямо на ковер.



Парамедики приехали и очень скоро уехали обратно, а мы целых полчаса ждали. Останки скорпионов были сложены в контейнер с крышкой, на который я опасливо поглядывала. Мне было рекомендовано принять тайленол и бенадрил, приложить к пораженным местам холодный компресс, а в случае, если вдруг станет хуже, снова вызвать неотложную помощь, чтобы ввести антидот.

Теперь, когда лекарства, наконец, подействовали, я почувствовала себя намного лучше. Рядом с диваном в гостиной стояло мусорное ведро на тот случай, если у меня снова случится приступ тошноты.

Мне казалось, меня так сильно рвало, что я потеряла половину веса. Диана сидела рядом, прикладывая к местам укусов лед, чтобы облегчить мои страдания, но я все еще пребывала в шоке. Я чувствовала вялость из-за успокоительного и препарата против аллергии, но, по крайней мере, язык уже не был таким распухшим.

– Я же говорила тебе, что у этого парня самая большая на свете красная кнопка разрушения, – мягко произнесла Диана, прижимая влажный компресс к моей руке. В тот момент она очень напоминала мою мать, и на мгновение я почувствовала такую ностальгию по дому, что мне захотелось плакать. Но мой настоящий дом рядом с парнем, который сейчас отправился вниз, готовый забить до смерти психопата, сотворившего это со мной.

– Пожалуйста, сделайте так, чтобы он никогда больше не встречался со Скорпионом, – умоляюще произнесла я. – Если из-за меня он снова попадет в неприятности...

– Он не попадет из-за тебя в неприятности, Брук, – уверила меня Диана. – Ты же его любишь. Ты единственная женщина, которую он когда-либо любил, и единственная, кто по-настоящему любила его и принимала таким, какой он есть. В детстве он не получал любви. От него отказались родители, выбросили, как ненужную вещь. Ты же понимаешь, что он будет защищать тебя изо всех сил?

Зрение мое затуманилось из-за слез, и я произнесла прерывающимся голосом:

– Я тоже хочу защитить его, но не могу сейчас даже стоять на ногах...

К тому времени, как ребята вернулись, прошел почти целый час, и я чувствовала, что мои нервные окончания плавают от напряжения.

Я лежала, закрыв глаза, на боку на диване, сознание мое было затуманено принятыми препаратами, когда вдруг услышала:

– Придержи дверь...

Сердце мое оборвалось, и мне показалось, что я умираю. Придержать дверь просят лишь тогда, когда несут что-то тяжелое...

Боже, Реми, мой сильный, безрассудный, прекрасный Реми.

Я даже перестала дышать, когда Диана пошла к двери, чтобы помочь, а потом я увидела...

Пит и Райли кряхтели, задыхаясь, пытаясь втащить Реми в комнату. Его ноги волочились по полу, голова свесилась вниз. Я видела лишь его темную шевелюру, внезапно меня охватили гнев и желание его защитить, и эти эмоции были настолько сильны, что я не бросилась на парней по одной-единственной причине – ноги у меня просто отказали.

– Ах вы сволочи! – воскликнула я.

Они переглянулись, но ничего не сказали, и тут я неожиданно услышала его голос, который звучал невнятно, но был полон решимости.

– Мне надо увидеть Брук.

– Держись, приятель, – прерывисто произнес Пит, когда они направлялись в нашу большую спальню.

– Она мне нужна, – повторял Реми тихим, прерывающимся голосом.

Диана поспешила помочь мне встать на ноги, и мы с ней последовали за ними. Клянусь, сердце в моей груди плакало от боли и сопереживания. Я ненавижу, ненавижу их за то, что они опять вкололи ему успокоительное!

Обнимая меня за талию, Диана помогла мне пройти, прихрамывая, в спальню, и мы увидели, что ребята раздели Ремингтона до трусов и теперь пытались уложить его в постель.

– Зайди с другой стороны, – скомандовал Пит, и Райли помог затащить Реми на кровать, стоя у дальнего ее конца.

– Рем, ну что прикажешь с тобой делать? – с укоризной произнес Пит.

Они с трудом разместили его на кровати так, чтобы он мог видеть меня, и подложили подушку ему под голову. Веки его были полуприкрыты. Он неотрывно смотрел на меня, пока Диана помогла мне взобраться на кровать, и при этом глаза его были полностью черными, в них застыло отчаяние. Я не переставала изумляться, насколько быстро эти его прекрасные глаза могли менять цвет. Как его тело могло полностью трансформироваться за несколько минут. Его большие загорелые руки бессильно лежали вдоль тела, но пальцы подрагивали, словно он хотел ко мне прикоснуться, и внезапно у меня самой пальцы заболели от такого же отчаянного желания дотронуться до него, чтобы утешить.

– С тобой все хорошо? – хриплым голосом спросил он, и в его темном взгляде были тревога и гнев.

Я просто чувствовала это физически. Он хотел пойти и защитить меня, а парни остановили его. В нем все кипело от ярости, поэтому я поудобнее устроилась рядом и натянула на нас одеяло.

– Просто прекрасно, – мягко произнесла я, обвив его плечи руками и поглаживая голову.

Я почувствовала, как напряжение постепенно отпускает его тело – он закрыл глаза и внезапно обмяк. Зарывшись лицом в его волосы, я изо всех сил вдохнула его запах и еще крепче обняла его, а он прижался к моему боку, устроив голову на моей груди, как на подушке.

– Я так тебя люблю, – прошептала я ему на ухо. – Отдохни, хорошо? Не бойся, ты теперь со мной.

– Похоже, этот сезон будет напряженным, – услышала я голос Пита.

Я понимающе кивнула, не в силах оторвать от Реми взгляд – его прекрасные ресницы отбрасывали тень на скулы, губы были слегка приоткрыты. Не удержавшись, я провела пальцами по его такому мальчишескому лицу, щекам, покрытым сексуальной легкой щетиной.

– Пойду-ка я заберу Лупе из спортзала – надо сказать ему, что наш парень не сможет прийти.

Пит наблюдал, как я массирую Реми голову, а потом принес мне воды и новый ледяной компресс и положил его на прикроватную тумбочку. Диана сказала, что нужно прибраться в гостиной, и ушла.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил меня Пит.

– После всех этих таблеток гораздо лучше, – прошептала я, добавив: – Извини, что обругала вас.

– Прости, но мы вынуждены были так поступить... И этот негодяй там был... – Он сердито сжал губы и как-то странно на меня посмотрел.

– Ты единственная, кто может его успокоить, и в то же время единственная, из-за кого он так быстро слетает с катушек. – Пит вздохнул и посмотрел в окно на небольшой садик с кактусами перед нашей комнатой. – А Скорпион знает, что Ремингтон выходит из себя, если речь заходит о тебе. Вот и продолжает его провоцировать. Этот урод будет пытаться давить ему на психику, чтобы пробудить в нем зверя.

– Мы не можем, Пит, мы просто не можем позволить кому-либо воздействовать на него. – Я поцеловала Реми в лоб, вкладывая в этот поцелуй всю свою любовь и мысленно обещая, что никому никогда не позволю причинить ему вред.

– Ремингтон сейчас на пике формы, – отметил Пит. – Но ты его величайшая слабость. Ради тебя он пойдет на что угодно, проиграет бой, откажется от участия в чемпионате. Убьет ради тебя. Нашпигуется препаратами.

Я вытерла слезы и еще крепче притянула Реми к груди.

– Пит, прошу, больше не колите ему успокоительное. Мы попробуем найти какое-нибудь другое решение.

– Блин, да он сильнее пятерых здоровенных мужиков. И как, по-твоему, мы должны были его остановить? Позволь сказать тебе, если организаторы нынешнего чемпионата решат, что последний бой за звание чемпиона будет проходить в формате «до отказа продолжать бой», я уж не знаю, что и делать... – Он сокрушенно покачал головой и поднялся.

– Что ты имеешь в виду? Что это за формат такой?

Пит мрачно посмотрел на меня и вздохнул.

– Ладно, проехали. Но у Ремингтона явно бзик на почве Скорпиона. Реми благороден, но этого подонка он явно не собирается щадить – и если ему представится шанс убить его на ринге, не сомневаюсь, что он так и сделает. – Пит направился к двери. – А теперь я, пожалуй, пойду – надо найти нам новую гостиницу.

Я кивнула ему и жалобным голосом произнесла:

– Спасибо тебе. – И повернувшись к своему льву, пробормотала: – Давай-ка устроимся поудобнее.

Я стянула с себя одежду неловкими трясущимися руками и сняла с него трусы, потому что знала, что он любит спать обнаженным. Затем я снова прижала его голову к своей груди и принялась гладить его волосы. Поцеловав его в висок, я прошептала:

– Не бойся, я с тобой.

Дыхание его было медленным и ровным. Пальцы рук, лежавших вдоль тела, слегка подрагивали. Я взяла его руку и обвила ее вокруг своей талии.

– Тебе нравится так меня обнимать? – спросила я тихим голосом, вовсе не ожидая с его стороны ответа. Потом я устроилась поудобнее, положив руки на его плечи. Внезапно я представила его лежащим на больничной кровати, в тот день, когда ушла от него.

Он тогда был в полном смятении и депрессии и отчаянно пытался что-то мне сказать. А я была слишком напугана, чтобы остаться...

К моим глазам снова подступили слезы, и неожиданно у меня заболело все тело, причем не только в местах укусов. Казалось, внутри у меня все разрывается.

Я сглотнула, чтобы избавиться от тяжелого комка в горле, обняла Реми еще крепче и зарылась лицом в его волосы, отчаянно покрывая его голову поцелуями. Его дыхание было по-прежнему ровным, я же едва не задыхалась при воспоминании о случившемся. Я знала только, что моя боль проходит, когда я смотрю на него, чувствую его запах, прикасаюсь к нему.

Я провела ладонью по твердым мускулам его обнаженных плеч, а потом наклонилась и поцеловала его в ухо, а потом снова в гладкий, теплый висок. Его запах, как всегда, подействовал на меня опьяняюще, и я наклонила голову, чтобы понюхать его шею, пройдясь пальцами по его спине, кубикам пресса, провела губами по точеному подбородку.

Он пробормотал что-то нечленораздельное, и пальцы его дрогнули. Я взяла его за подбородок рукой и запечатлела нежный поцелуй на губах.

– Я так благодарна тебе за то, что ты хотел защитить меня, но больше не позволю тебе разрушить свою мечту из-за меня, – произнесла я.

Пробежав пальцами по мускулистой груди, жилистым рукам, мощной шее, я припала к ней губами, чтобы почувствовать его редкий, размеренный пульс. Он снова что-то пробормотал, а я гадала, какие мысли роились в тот момент в его голове. Слышал ли он мои слова? Мне показалось, что да.

Я схватила его плеер, воткнула в него свои наушники-пуговки, чтобы мы оба могли слушать музыку, и принялась искать песню, которую мне бы хотелось ему поставить. Я вставила один наушник ему в ухо, другой себе и включила песню группы Goo Goo Dolls «Останься со мной». Сжав его ладонь, я целовала костяшки пальцев и слушала музыку, поглаживая его волосы. Песня заставила меня забыть о том, что укушенные места все еще болят. Я крепко обнимала его, пока мы лежали и слушали песню. Мой любимый бесстрашный боец. Он рвется сражаться с кем угодно, в том числе с самим собой, но одно я знала точно – он никогда не будет сражаться с любовью, которую испытывает ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.